

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АН СССР
СЕКТОР АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АН АРМЯНСКОЙ ССР
ОТДЕЛ АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ АРМЕНИИ

ВСЕСОЮЗНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМАМ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ВОСТОКЕ

Май, 1980 г.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1980

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АН СССР
СЕКТОР АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АН АРМЯНСКОЙ ССР
ОТДЕЛ АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ АРМЕНИИ

ВСЕСОЮЗНЫЙ СИМПОЗИУМ

ПО ПРОБЛЕМАМ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ВОСТОКЕ

Май, 1980 г.

Тезисы докладов

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР

БРБВАН

1980

Р
II
522975

ՐԵԴԱԿՏՈՐՆԵՐ:

Բ.Ն.ԱՐԱԿԵԼՅԱՆ
Դ.Ա.ԿՈՇԵԼՆԻԿՈ
Դ.Ա.ՏԻՐԱԾՅԱՆ

ՀԱՄԱՐԻՈՒԹԵՆԱԿԱՆ ՍԻՄՊՈԶԻՈՒՄ
ՆՎԻՐՎԱԾ ՀԵԼԼԵՆԻՍՏԱԿԱՆ ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ
ՊՐՈԲԼԵՄՆԵՐԻՆ ԱՐԵՎԵԼՔՈՒՄ
Մալիս, 1980 թ.
ՋԵԿՈՒՑՈՒՄՆԵՐԻ ԹԵԶԻՍՆԵՐ
Հայկական ՍՍՀ ԳԱ հրատարակչություն
Երևան, 1980

© ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР, 1980

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ НА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ ВОСТОКЕ
(АРМЕНИЯ, КАВКАЗСКАЯ АЛБАНИЯ, ПАРФИЯ)

1. Процесс культурно-исторических контактов на эллинистическом (и постэллинистическом) Востоке рассматривался, в основном, только в одном аспекте: взаимодействие эллинских и местных традиций. Контакты же между государствами, возникшими в результате борьбы против власти греко-македонян и селевкидов оставались вне поля зрения исследователей.

2. Факт возникновения таких независимых государств как Парфия, Армения и Кавказская Албания имел огромное историческое значение, ибо это было началом крушения греко-македонского владычества в Азии и возрождения местной государственности. Именно с падением власти греко-македонян наблюдается наибольшее распространение эллинской культуры во вновь образовавшихся государствах, причем здесь оно не встречает того социального протеста, который мы наблюдаем в собственно эллинистических странах. Воспринимаются только те элементы эллинской культуры, которые отвечали потребностям местного общества, к тому же они подвергались наибольшим модификациям.

3. Значение той или иной степени эллинизации в культурно-исторических контактах рассматриваемых государств имело важное значение, ибо она в какой-то мере показывает уровень социально-политического развития их народов. Чем выше был этот уровень, тем большему влиянию эллинизма они подвергались, а отсюда и более высокий уровень взаимоотношений, включающих тесные политические, экономические и культурные контакты между собой.

4. Культурно-исторические контакты между Арменией, Кавказской Албанией и Парфией имеют глубокие корни. В Ахеменидский период все они входили в состав одного государственного объединения и уже тогда между их народами, вероятно, устанавливались тесные связи. В эллинистический период под воздействием классически-античных социально-экономических отношений восточные формы здесь претерпели некоторые изменения, а с возникновением независимых государств контакты во всех сферах усилились. В политических взаимоотношениях эти страны связывала общая борьба против римской экспансии, в экономических -

сохранение контроля над основными магистралями международной транзитной торговли Востока с Западом, в культурных — древние местные традиции, имеющие общие корни.

5. Древние традиции и культурно-исторические контакты в эллинистическое время сближали Армению, Албанию и Парфию, позволяли сохранить им свою политическую и экономическую самостоятельность, а также культурную самобытность. Каким бы путем развития ни пошли эти страны, в дальнейшем их связи сохранили свою близость и в последующее время.

Б.М.АЛЕКСЕЕВА
(Москва)

НЕКРОПОЛИ ХОРЫ ГОРГИИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

С 1973 г. Анапская экспедиция Института археологии АН СССР работает над комплексным исследованием Горгиии и ее хоры. В радиусе до 25 км. вокруг города выявлены многочисленные сельские поселения с десятками домов и распланированными наделами при них, существовавшие с IV в. до н.э. по III в. н.э. Исследовано три некрополя, связанных с такими поселениями; к 1980 г. раскопано 133 погребальных сооружений.

Для конструкций погребальных сооружений характерны плитовые могилы, каменные оградки, каменные засыпки и поверхностное расположение погребальных сооружений, обильное использование камня. В погребальном обряде отмечен единственный для всех захоронений обряд трупоположения, преобладают единичные захоронения при встречаемости коллективных погребений (до семи человек); преобладают восточная ориентация и вытянутое положение. Скорченные погребения раскопаны трижды с ориентацией головой на юг и запад (положение на левом боку), а также север (положение на правом боку). Отмечены сведенные вместе ступни и подведенные к тазу кисти рук. Выявлены специальные места с эсхарами для жертвоприношений и отмечено обилие различных черепков среди каменных засыпок.

Погребальный инвентарь беден, в нем почти отсутствуют местные формы, преобладают предметы, бытовавшие во всех центрах античной культуры Северного Причерноморья, преимущественно различные формы простой гончарной посуды.

Исследованные некрополи содержат значительный процент погребений V в. до н.э., что свидетельствует о распланиров-

земель Синдики задолго до включения ее в состав Боспора, что произошло после 389 г. до н.э.

Конструкции погребальных сооружений некрополей в окрестностях Горгиппии самобытны и не находят аналогий среди погребальных сооружений самой Горгиппии. Эти конструкции характеризуют определенную этнографическую ветвь населения в окрестностях Горгиппии, генетически связанную с населением Центрального и Северо-Западного Кавказа эпохи бронзы. Подобные погребальные конструкции прослеживаются в археологических памятниках Северного Кавказа с эпохи ранней бронзы вплоть до позднекобанского времени и отмечены на стыке кобанской (в ее западном варианте) и античной культур. Считать эту ветвь местного населения непременно синдами нет оснований.

Б.Н. АРАКЕЛЯН
(Бреван)

ЗАМЕТКИ О ХОЗЯЙСТВЕ И БЫТЕ ГОРОДОВ ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ

1. В греческих, латинских и армянских письменных источниках сохранилось не мало сведений о городах древней Армении, однако они относятся преимущественно к основанию городов, особенно к имевшим место военно-политическим событиям, в центре которых обычно находились города.

Судя по сведениям источников в древней Армении существовало более двух десятков больших и малых городов. Порой сохранились только их названия, а хозяйственная жизнь и быт почти не получили отражения.

2. Предпринятыми за последние десятилетия археологическими раскопками выявлено множество памятников, значительный археологический материал, на основании которых можно составить некоторое представление о разных сторонах городской жизни, в том числе также о хозяйстве городов и культурно-бытовых условиях их населения.

3. Сопоставление археологических данных с сообщениями письменных первоисточников позволяет подтверждать, что хозяйственная деятельность городского населения охватила, как собственно город, так и городскую округу.

В городской черте, по-видимому, не имелось ни садов, ни огородов и хозяйственная деятельность ограничилась дос-

таточно развитым ремесленным производством и торговлей. Однако города и городское население имели свои агараки и земельные участки в городской округе, на которой в основном и базировалось материальное обеспечение городского населения. Малкие города страны, надо полагать, мало чем отличались от селений.

4. В организации городского хозяйства немаловажную роль играли также ремесленное производство и торговля. Большие города страны были крупными центрами ремесленного производства и торговли. Арташат был одним из признанных центров международной торговли.

5. Организация бытового обслуживания населения опиралась прежде всего на единую планировку городов. Исключительно большое значение имели такие объекты городского коммунального хозяйства, какими были водоснабжение и бани.

Т.М.АРСЕНЬЕВА
(Москва)

АНТИЧНЫЕ И ВАРВАРСКИЕ ЧЕРТЫ В КУЛЬТУРЕ РАННЕГО ТАНАИСА

Танаис был основан боспорскими греками в III в. до н.э. в удалении от всех других городов на территории заселенной варварскими племенами.

Ранняя история города III—I вв. до н.э. восстанавливается, главным образом, на основании археологических раскопок, проводимых Нижне-Донской экспедицией с 1955 года.

Археологические материалы свидетельствуют о значительном смешении культуры Танаиса, о греческих и варварских чертах, проявляющихся во всем облике города.

Раскопками установлено, что ранний город был разделен на две части, каждая из которых имела оборонительные укрепления, восточную, видимо, заселенную эллинами и западную, вероятнее всего, принадлежащую варварскому населению.

Жилые и хозяйственные постройки III—I вв. до н.э. на восточном центральном участке оказались в значительной степени разрушенными во время перестройки и восстановления города после полемоновского разрушения на рубеже н.э. Но и их немногочисленные остатки свидетельствуют об относительно правильной планировке стен, об употреблении подтесанных квадратных камней при строительстве ранних оборонитель-

ных стен и башен.

Намного лучше ранние сооружения сохранились на западном городском участке, не восстановленном после полемоновского разгрома. Открыты извилистые узкие переулки и неправильной формы помещения с округлыми и изогнутыми в плане стенами. Строительная техника этих сооружений также свидетельствует о негреческом варварском характере построек. Стены сложены из рваного камня, без всякой обработки, на глине и почти не имеют фундамента.

Ярко свидетельствуют о смешанном характере культуры и городские слои. С одной стороны, они отличаются большей насыщенностью обломками лепной керамики по сравнению с другими городами Боспора и это сближает их с окрестными нижнедонскими поселениями, с другой стороны, в городе, широко известном своими торговыми связями, культурные слои содержат и многочисленные обломки греческой керамики, главным образом, амфорной. При этом, первое место среди находок III-I вв. до н.э. занимают обломки родосских амфор.

Значительная этно-культурная смешанность населения прослеживается и по материалам некрополя Танаиса. В могильнике III-I вв. до н.э. греческие черты погребального обряда прослеживаются намного отчетливее, чем в последующие века, хотя и в рассматриваемый период нет почти ни одного захоронения с чисто греческим погребальным обрядом.

А.Д.БАБАЕВ
(Душанбе)

МЕСТНЫЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ (НА ПРИМЕРЕ РАСКОПОК ЧИМ-КУРГАНА)

I. Успехи археологических исследований в Средней Азии открыли новые страницы истории — политические, экономические и культурные связи Северной Бактрии со странами Востока и Запада. Об этом свидетельствуют не только археологические открытия, но и письменные источники. Так, например, Страбон отмечает, что Аму-Дарья "отличается такой судоходностью, что индийские товары, подвозимые к ней через горы, можно доставлять вниз по течению до Гирканского моря и оттуда по рекам в соседние области, вплоть до Понта" (Страбон, География, XI, 7, 3).

Северная Бактрия. Где-то между 330–327 гг. до н.э. происходят события, связанные с походами Александра Македонского. После его смерти огромная империя была раздроблена на несколько отдельных регионов. Северная Бактрия вошла в состав Греко-Бактрийского государственного объединения, западной границей которого является долина реки Мургаб, восточной река Инд.

Греко-Бактрийское царство просуществовало до 140 г. до н.э. и под натиском кочевых племен саков, а затем юздей распалось на ряд самостоятельных княжеств – хихэу. К концу I в. до н.э. намечается тенденция к их объединению, происшедшее под главенством рода кушан, которые создали одну из величайших империй античного мира.

2. На основании исследований и проведения тщательной археологической разведки были уточнены отдельные детали и размеры огромного городища Чим-Курган – протяженность всех 4 сохранившихся стен равнялась 7 км., а внутренняя площадь равнялась 350 га-и отождествлен М.М.Дьяконовым с древним городом Ахарун.

3. За 9 полевых сезонов были вскрыты ряд помещений со своеобразным водоснабжением и установлено два строительных периода, которые при раскопках дали обильный археологический материал.

4. Особое место занимают монетные находки "Варварское подражание Гелиокла", имеющие локальный характер. На монетах этого правителя изображение верховного бога Зевса, которого сопровождает лучистый нимб, в то время как на монетах греческого чекана нимб отсутствует. Монета сопровождается легендой: Справа ΒΑΣΙΛΕΥΣ слева ΙΝΔΕ снизу ΦΑΙΝΥ, вес 15, 25 гр.

5. Особое место, свидетельствующее о культурных связях, занимают архитектурные детали – черепицы и антефиксы. В оформлении овального щитка антефиксов использованы разнообразные варианты пальметт и акантов, изображение человеческого лица добродушной женщины со своеобразной прической – в отличие от антефиксов Причерноморья, где характерным является изображение бычьей головы и лица Горгоны с высунутым языком (см. В.Ф.Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора (Боспорские черепицы). Сб. Из истории Боспора, М.–Л., 1935, с. 226).

6. Другой интересной находкой является терракота, изобра-

дающая фигуру обнаженного мужчины, вокруг левой ноги рельефное изображение змеи, обвитой в два кольца. Тело напряжено — отчетливо запечатлены мышцы живота и груди. На правой ноге, выше колена, следы второй змеи.

По всей вероятности мы имеем дело с фигурой ЛАОКООНА — троянского жреца храма Аполлона. В данной скульптуре можно видеть тот момент, который описан Виргилием в поэме "Энеида":

"К детям отец со стрелами бежит; но змеи, напавши

Вдруг на него и спутавшись крепкими кольцами, дважды

Чрево и грудь и дважды выю ему окружили" (Римские поэты в биографиях и образах. Составил В.Алексеев, СПб, 1897, с. 353). Находка статуэтки Лаокоона не является неожиданностью. Дело в том, что Кушанская империя в I-II вв. достигает наивысшего расцвета и имела тесные дипломатические, экономические и культурные связи с другими государствами Востока и Запада, и чему во многом способствовал Великий Шелковый путь.

Таким образом, археологические исследования городища Чим-Курган раскрывают древние страницы истории, скрытые в толщах культурного слоя.

И.А.БАБАЕВ

(Баку)

БУЛЛЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПОК КАБАЛЫ

1. При археологических раскопках на городище Кабалы, главного города Кавказской Албании, в античную эпоху, наряду с остатками различных сооружений, были выявлены многочисленные бытовые изделия, освещающие различные стороны жизни древних албанов. Среди этих находок особняком стоят комки сырой глины с оттисками печатей на их поверхностях. Найдены обломки около 80-и таких комков /буллы/ и заготовки для них.

2. Все они происходят из нижних строительных горизонтов раскопа I на городище античного периода. Они были обнаружены почти по всей площади раскопа, но больше всего встречались на северо-западной части участка, где был вскрыт и булыжниковый фундамент здания, которое было покрыто высококачественной черепицей. По стратиграфии раскопа, нумизматическим находкам и стилистическим данным оттисков печатей устанавливается, что нижняя грань для датировки булл является III в. до н.э., а верхняя — середина I в. до н.э.

3. Для булл употребляли мелкозернистую жирную глину. Эту глину хорошо перемешивали на ладони. Наряду с буллами найдены и заготовки для них со следами пален. Комки глины с оттисками печатей имеют серый или черноватый цвет. Некоторые из них случайно попали в огонь и слегка обожжены. Все они представлены обломками, на которых имеется от одного до пяти оттисков одной печати. Иногда оттиск одной печати встречается на нескольких буллах. В Кабале оттисков разных печатей на одной булле не встречалось. Сквозь булл продет шпагат или на оборотной их стороне остались следы узла, ремешка, бечевки, плетеной корзины, ткани. Некоторыми буллами, вероятно, были опечатаны свитки. На таких комках остались спиралевидные следы.

4. По сюжетам и стилистическим данным оттисков устанавливается, что в Кабале пользовались как местными, так и привозными из эллинистических стран печатями. Местные печати часто были цельнометаллическими. Среди них имелись и печати, изготовленные из других материалов. Привозные печати, главным образом были изготовлены из камней и вставлены в перстневые оправы. В ряде случаев они имели форму кабошона, характерного для глиптики эллинистического периода. Отдельные геммы имели довольно высокое художественное достоинство.

5. На оттисках восточных /скорее всего местных/ печатей представлены изображения человека, всадника, хищника, оленя, козла, непонятных птиц, орла, терзающего животное, колеса и др., а на привозных эллинистических – отдыхающий Геракл, портреты, животные, птицы, краб и другие сцены, характерные для глиптики эллинистического периода. Из-за фрагментарности и нечеткости оттисков на некоторых буллах изображения трудно определить.

6. Многочисленные буллы и остатки здания с черепичным перекрытием свидетельствуют, что в эллинистическую эпоху на данном участке города находилось складское здание или какое-то учреждение, имеющее важное значение.

ОБ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ В КЕРАМИКЕ ХОДЖЕНТА

Многолетние исследования истории и культуры Ходжента-Ленинабада ведутся под руководством Н.Н.Негматова. Раскопки последних лет на территории центра города выявили наиболее ранний этап заселения этой местности, с последующим оформлением фортификации, относящегося к середине I тысячелетия до н.э.

В историко-культурном развитии ранний период жизни связан с культурой Эйлатана, распространенной в Центральной Фергане в II-IV вв. до н.э. Керамическое производство развивалось по двум руслам: домашнего ручного изготовления и станкового с применением технических элементов южных районов Средней Азии. В обоих направлениях в выборе форм сосудов предпочтение отдавалось местным традициям Ферганской долины. Обработка изделий велась ангобным составом, который приготавливался трех видов: беловатый с зеленоватым оттенком, беловато-розовый, карминный. Все три вида ангобного состава наносились густым слоем на плотный красно-коричневый черепок изделия. На изделиях, обожженных костровым способом, ангобный слой приобретал неровность цветовой гаммы — красные пятна от сильного языка пламени. Обжиг в печах давал ровные тона. Беловатый с зеленоватым оттенком и беловато-розовый ангоб применялся больше на гончарных станковых изделиях. Посуда, приготовленная ручной лепкой, покрывалась также беловато-розовым, беловатым с зеленым оттенком и карминным цветом. По беловатому фону карминным ангобным составом на некоторых сосудах наносился узор.

Следующий этап развития городской структуры связан частично с деятельностью греко-македонян. Он получает имя Александра Македонского — Александрия Эсхата. Оседание части греко-македонских воинов привело к некоторой эллинизации культурного развития. Это можно проследить на гончарном ремесле: красные железистые глины в изделиях Балканского полуострова, применение лаков в обработке посуды, а также разнообразие форм меняли эстетическое воззрение населения. Мастера стали искать на местном материале рецепт лаков и технику обработки. Это привело их к развитию старой техники

лощения поверхности. Усиливается металлическое лощение, применяется восковое покрытие с тщательным лощением. Совершенно исчезает производство ручной лепки. Гончарный станок усовершенствуется в увеличении скорости, что привело к возможности выводить тонкостенные большие и малые формы. По греческим образцам стали формироваться новые, ранее неизвестные изделия — тарелки, блюда, бокалы. Разнообразие их профилей и объема составили совершенно новые сервизы столовой посуды. Усовершенствуется форма кувшинов: выводятся тонкостенные высокие и приземистые, с одной или двумя ручками. Трансформируется греческий вид эйнохой. Появляются сосуды — прототипы кратера. В нашем материале есть сосуд, изготовленный по образцу коринфской келебы. Исчезает гамма белых оттенков ангобного покрытия, совершенно не наносится карминная роспись. Зато прежде не характерный карминный тон для станковой посуды полностью модернизируется. Карминный тон под действием регуляции температурного режима в печах приобретает разнообразные оттенки до ярко черного цвета.

На материале Ходжента хорошо прослеживаются элементы эллинистического влияния в формировании совершенно своеобразной среднеазиатской культуры с доминирующими местными народными традициями.

В.Д.БЛАВАТСКИЙ
(Москва)

О НЕКОТОРЫХ ЯВЛЕНИЯХ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЭЛЛИНИЗМА

1. Грандиозные социально-экономические сдвиги и резкие политические перемены, потрясавшие Восточное Средиземноморье со времени диадехов, способствовали, иной раз значительным изменениям, охватившим различные стороны жизни, мировоззрение, науку и искусство. Темп жизни стал заметно быстрее, чем прежде.

2. В этих новых условиях представление о большом значении судьбы и случая стало играть все большую и большую роль. Это способствовало росту культа Тиха и почитанию Кайроса.

3. Художественная литература периода эллинизма также уступила новым веяниям. Величавые трагедии Эсхила и Софокла, проникновенное творчество Пиндара сменила "Новая

комедия Менандра и Филемона", с запутанной легко забываемой бытовой фабулой и изысканные пасторали Феокрита. Этот легкий жанр литературы никак не мог пробудить у читателей и слушателей тех глубоких мыслей, которые вызывало творчество У в. до н.э.

4. Не меньшие сдвиги во времена эллинизма испытала и монументальная скульптура.

5. Для скульптуры периода эллинизма характерно широкое распространение изваяний с суммарно исполненной спиной, а иногда и оставленной неотделанной. Такие скульптуры были предназначены для помещения их на фоне стены или в нише. Разумеется, и в том и в другом случае их приходилось смотреть только с передней стороны.

6. То же явление можно сказать и об эллинистических скульптурных группах даже таких, как "борцы Уффици" или "бык Фарнезе", не говоря уже о Ватиканском Лаокооне. Все эти изваяния были рассчитаны на то, что их будут смотреть только с передней стороны.

7. Все перечисленные и многие другие скульптуры эллинизма в отличие от названий У-IV вв. до н.э. были рассчитаны на сравнительно беглое ознакомление с ними зрителей.

А.В.БОХОЧАДЗЕ, Н.Г.МИРИАНАШВИЛИ
(Тбилиси)

О РАСПРОСТРАНЕНИИ КУЛЬТА ДИОНИСА В АНТИЧНОЙ ЭПОХЕ КАРТЛИЙСКОГО ЦАРСТВА

По материалам, раскопанным в 70-х годах, культ Диониса, бога-покровителя растительности, виноградарства и виноделия, в античной эпохе широко распространен в Картлийском царстве (в Иберии). Вышеупомянутый культ утвердился в Шида Картли, при раскопках городища Саркине на искусственной террасе. Под обвалившейся черепичной кровлей были найдены терракотовые статуэтки Диониса и Ариадны и маски, связанные с их персонажами. По выявленным материалам они датируются концом II в. до н.э.

Дионис и Ариадна как божества, изготовлялись в строго канонизованном стиле. Аналогично изготовлены и статуэтки из городища Саркине. А лица, представленные в виде масок, взяты из местного типажа и передают богатые эмоции. Поскольку

нам не известны точные аналогии изучаемых масок, думаем, что имеем дело со слиянием эллинистических и местных культур.

На территории городища Дзалиса в названном нами условно храмо-дворцовом комплексе, который датируется II в. н.э., был выявлен мозаичный пол с разными изображениями и надписями.

Центральная композиция представляет собой сидящего на троне, под виноградной аллеей Диониса с супругой Ариадной, над головами которых написаны их имена. Между ними воздвигнуты тырсы.

Слева от Диониса, в профиль изображен покровитель стада, божество — Пан, который в руках держит связку свирелей.

С правой стороны от Ариадны изображена сильно поврежденная фигура — играющая на арфе.

Под виноградной аллеей, с другой стороны виноградной лозы, стоит треножный стол, опирающийся на львиные лапы. На столе стоят винные сосуды-килики. Рядом со столом стоит винный сосуд ойпохоя.

Над виноградной аллеей изображены молодые женщины в длинных одеяниях, с музыкальными инструментами. На уровне их ног имеется строительная надпись: "Вспомни Прискэ, которое сделал это". Вправо изображен крылатый юноша.

В противоположном углу имеется изображение молодой женщины.

Под Дионисом и Ариадной изображены: кратер, остатки животного, поврежденная надпись и т.д. Дальше, лицом к лицу изображены два крылатых божества с букетами из колосьев и побегов разных растений. Остальная часть мозаики богато украшена геометрическим и растительным орнаментом.

По нашему предположению мозаичный пол относится к дому Диониса, к дому вина, где проводились мистерии, связанные с культом Диониса, т.е. праздники вина.

На территории с.Агайани в позднеэллинистических погребениях, в большом количестве выявлен материал, указывающий на популярность культа Диониса. На медальоне ручки бронзового кувшина изображен Дионис в нетрезвом состоянии, в руке с киликом. На гемах изображены: Дионис в аналогичном положении, гроздь винограда, козленок и т.д.

Если учесть высказанные мнения, что часть гем изготовлялась на месте, в том числе и вышеупомянутые гемы, тогда мы можем предполагать существование культа Диониса в Агайани в позднеэллинистическую эпоху.

По раскопанным памятникам существование культа Диониса, бога-покровителя растительности, виноградарства и виноделия утверждается в Картлийском царстве от II в. до н.э. до III в. н.э.

Существование культа Диониса предполагает высокое развитие виноградарства и виноделия. И это не удивительно, так как Грузия считается родиной культурной лозы.

В слоях III тысячелетия выявлены семена культурной лозы. В следующих периодах, а в особенности в позднебронзовой и раннежелезной эпохе, существование многочисленных огромных винных сосудов (квеври), разного вида кувшин и кувшинчиков, изготовленных уточненным вкусом, утверждают, что на территории Восточной Грузии было развито виноградарство и виноделие.

Культе Диониса, как видно, в Картлийском царстве получил плодородную почву и слился с местными обычаями, связанными с виноградарством и виноделием.

И.Б.БРАШИНСКИЙ
(Ленинград)

АРЕАЛ РОДОССКОЙ ТОРГОВЛИ НА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ ВОСТОКЕ

Роль и значение Родоса в торговле эллинистического мира общеизвестны. В эллинистическую эпоху Родос выступает не только крупнейшим посредником в торговле, но и активным экспортером товаров собственного производства, в частности — вина.

Важнейшим источником изучения направлений, хронологического развития, интенсивности и колебаний родосской торговли является, как известно, керамическая тара Родоса и, прежде всего, амфорные клейма, находки которых широко распространены по всему эллинистическому миру и исчисляются в настоящее время многими десятками тысяч.

Картографирование находок родосских клейм, найденных на эллинистическом Востоке /хотя и сравнительно весьма немногочисленных/ позволяет выделить несколько направлений родосской торговли с восточными странами и ареалов родосского импорта. Вместе с тем необходимо учитывать пределы возможности интерпретации источника, допускающего, чаще всего, альтернативное толкование.

Основное направление восточной торговли Родоса было ориентировано на страны Восточного Средиземноморья: ареал родосского импорта охватывает территорию стран Леванта. Другое направление, значительно менее интенсивное, имело конечной целью Армению. Наконец, третье шло через Месопотамию к Персидскому заливу и имело, по-видимому, конечной целью Индию.

Ареал родосских амфор в Междуречье позволяет более или менее уверенно реконструировать путь движения родосских товаров до Персидского залива. Путь в страны Леванта /морской/ очевиден. Менее ясен путь проникновения родосского импорта в Армению.

Анализ амфорных клейм позволяет выяснить хронологию родосской восточной торговли, которая отличается в различных ее направлениях, что, отчасти, может быть связано с политической историей эллинистического Востока.

Р.Б.ВАРДАНЯН
(Бреван)

ПАРФИЯНСКИЙ ПОРТРЕТ (по нумизматическим данным)

1. Главным источником изучения парфянского официального портрета на всем протяжении его существования являются изображения царей на монетах Парфии. Развитие портрета происходит по внутренним законам портретного искусства, но в соответствии с особенностями историко-культурной жизни Парфии. Только поэтапное рассмотрение парфянского портрета позволяет наметить направления и тенденции его развития.

2. На монетах первого периода (от Аршака I до Митридата I — 230е — 140е гг. до н.э.) голова царя обращена влево (кроме первого выпуска Аршака I); на голове мягкий кирбасий, повязанный царской диадемой; индивидуальные (собственно портретные) черты царей не переданы; иконографический тип восходит к портретам сатрапов в чеканке ахеменидского времени и на доаршакидских парфянских монетах (Вахшувар). Лучник сначала изображается сидящим на троне без спинки (Аршак I, Аршак II), затем — на омпале.

3. На протяжении второго периода (от Митридата I до Митридата II — 140е—120е гг. до н.э.) царь изображается без кирбасия; голова могла быть обращена и вправо и влево. Компа-

новка, пропорции, манера изображения человеческого лица, сохранение индивидуальных черт царя (но не без некоторой идеализации) на монетах этого периода позволяют считать царские портреты выполненными в эллинистических традициях и под сильным влиянием селевкидского монетного портрета. Однако ряд иконографических деталей (особая форма прически и бороды, серьги в ушах, ожерелье на шее, иногда — погрудное изображение) выходит за рамки селевкидской традиции. Этот же процесс "эллинизации" характерен и для типов об.ст.: на протяжении второго периода на парфянских драхмах и, особенно, тетрадрахмах появляются божества и целые композиции, заимствованные с селевкидских монет.

4. Для портретов третьего периода (от Митридата II до Фраата III — II вв. до н.э. — 50-е гг. до н.э.) характерно постепенное удаление от эллинистической портретной традиции и возникновение новых иконографических деталей и типов. При сохранении некоторой индивидуальности в портрете, делается попытка создания идеального типа царского портрета, но уже в парфянском, иранском его понимании. Начиная с этого периода голова царя на монетах всех номиналов дается только в левом повороте; портреты царей даны погрудно; появляется тиара полусферической формы, украшенная драгоценными камнями (Митридат II, Ород I, неизвестный царь, Дарий) и фигурками оленей (Синатрук, Фраат III); в центре тиары — звезда, рог или трилистник. Наряду с иконографическим типом "царь в тиаре", появляются изображения царей с длинными, закрывающими уши, волосами (Готарз I, Дарий, Фраат III). Оба новых иконографических типа стали той основой, видоизменения которой в дальнейшем определяют развитие парфянского портрета на монетах. Третий иконографический тип (погрудное изображение царя в фас) не закрепляется в дальнейшей официальной парской иконографии на монетах. Показательно, что аналогичные перемены претерпевает в это же время и тип об.ст.; закрепляется как норма легенда квадратом; единственным иконографическим типом (как драхм, так и тетрадрахм) становится лучник, сидящий на троне.

5. Портреты четвертого периода (от Митридата III, 50-е гг. до н.э. — начало н.э.) дают погрудное изображение царя с правильными чертами лица, с широкой диадемой с тремя (иногда четырьмя) лентами, ниспадающими сзади головы и с ожерельем на шее. Портрет выполнен в более низком рельефе; фи-

зическая портретность явно уступает место обобщенному и идеализированному образу парфянского царя царей. Для идентификации царя все большее значение приобретают конкретные различия в регалиях. Усиливается начавшаяся уже на протяжении третьего периода тенденция к стилизации, становится нормой точечная манера трактовки деталей. Иконографический тип об.ст. драхм остается прежним (традиционный лучник); на об.ст. тетрадрахм вновь появляются эллинистические сюжеты, но, как правило, уже переосмысленные и насыщенные чисто парфянскими деталями.

6. Для портретов пятого периода (от начала н.э. до падения Парфянского царства, 220е гг. н.э.) характерны два основных типа: — изображение царя с длинными волосами (без тиары);

— изображение царя в полусферической тиаре несколько измененного типа.

Кроме того известны редкие фасовые изображения царя (Вонон I, Вологез V). Индивидуальные черты в изображении царя уже полностью игнорируются. На смену точечной манере приходит линейность, еще более усиливающая стилизацию и схематичность; почти полностью утрачивается объемность изображения. Иконографические сюжеты об.ст. монет стали стереотипными; только на монетах Артабана II несколько меняется тип инвеститурной сцены, где царь представлен верхом на коне; появляется пехлевийская легенда.

7. Итог развития царского портрета на парфянских монетах — полная победа восточного (парфянского и, может быть, шире — иранского) начала над западным (эллинистическим). И поворотным этапом, на протяжении которого закладывался фундамент этой победы, был конец II — первая половина I в. до н.э. (третий этап). Именно в это время формируются основные элементы и принципы парфянского официального портрета, отраженного монетами.

Р.О.ВАРДАНЯН
(Ереван)

ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ АНТИЧНОЙ МЕТРОЛОГИИ В РАННЕ-СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРМЯНСКИХ ПЕРВОИСТОЧНИКАХ

Сведения о мерах и весах Армении и сопредельных стран сохранились как в чисто метрологических текстах, так и в пер-

воисточниках другого характера раннего средневековья.

Сопоставление метрологической таблицы Армянской географии Анания Ширакаци с греческими первоисточниками показывает, что условно названная система измерения по воздуху в географии, согласно которой: 1 миля = 7 аспарезам по воздуху - втавану /каждый аспарез по воздуху равняется 100 (двойным) шагам - 600 ступней/ = 700 (двойным) шагам /каждый (двойной) шаг равен шести ступням/ = 4200 ступни, была заимствована из греческих первоисточников.

Анализ метрологической системы измерения по воздуху показывает, что из римских единиц была позаимствована только миля (=в среднем 1480 м), она была приспособлена к филетеровским системам мер длины.

Ниже упомянутые первоисточники представляют смешанные системы.

При анализе метрологических таблиц "Толкования календаря Андреаса" выясняется, что некоторые единицы, заимствованные не только из филетеровской системы /большой/ локоть - 70,5 см - 71,04 см/, а также из греческой системы (храсх - плетр - 30,8м). Анализ метрологических таблиц "Толкования армянского календаря" показывает, что втаван - аспарез (=211,4-213,12м) произошел от филетеровской системы, а ступня (=30,2-30,4см), вероятно, восходит к греческой ступне (=30,89см).

Арменоведы доказали, что Анания Ширакаци в труде "О весах и мерах" в разделе мер объема в некоторой степени следовал Епифану Кипрскому. Сравнительное изучение текстов Епифана Кипрского и Анания Ширакаци дает возможность не только установить, что оба автора пользовались одной метрологической системой, а именно греческой или аттической системой, которая в эпоху Птолемея использовалась также и в Египте, а также размер основной единицы ксеста. Это сопоставление имеет следующий вид:

Епифан Кипрский					греческая (аттическая) система				
Анания Ширакаци					Птолемеяевская система				
Артаб-Метретес	I				метрет	I			
арду-Артабос					артаб				
х у с	12	I			х у с	12	I		
ксест	72	6	I		ксест	72	6	I	
котила					хин				
триблион	144	12	2	I	котила	144	12	2	I
паропсис									

Так как твердо установлены исследователями значения единиц артабе и метремеса ($=38,88$ литра или $29,16$ кг), которые у Епифана Кипрского и Анания Ширакаци равнялись 72 ксестам, то величина ксеста согласно первому будет $0,540$ л, а второму $0,534$ л и соответственно $0,405$ кг и $0,400$ кг. Поэтому можно утверждать, что так называемый эллинистический или официальный римский ксест, который используется также на Востоке, имел вес — 15 унций и объем — 20 унций, а соотношение веса объема получаем $4:3$.

Следует отметить, что ранне-средневековые армянские первоисточники сохранили ценные сведения для древней метрологии.

Ю.М.ГАГОШИДЗЕ
(Тбилиси)

О ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫЧЕСТВЕ В III—I вв. до н.э.

I.1. Древнегрузинские письменные источники сохранили сведения, которые можно трактовать как "отзвуки местных преданий, связанные с господством в Грузии маздеизма" (Н.Я.Марр), хотя в тех же источниках "грузинское язычество" противопоставляется "персидской вере".

I.2. М.М.Ковалевский, К.А.Иностранцев, С.И.Макалатия и некоторые другие исследователи отмечают в этнографическом быту грузин пережитки иранских культов, однако данное положение подверглось резкой критике В.В.Бардавелидзе.

I.3. Наличие в грузинском языке значительного пласта иранских лексических заимствований, особенно для обозначения религиозных понятий и необычное обилие иранских теофорных имен среди представителей царского рода и правящей аристократии Грузии III в. до н.э. — IV в. н.э. (М.К.Андроникашвили), очевидно, также свидетельствуют о былом распространении здесь иранских культов.

2.1. Археологические раскопки двух последних десятилетий выявили в Восточной Грузии культовые сооружения ахеманидской и эллинистической эпох. Это храм огня в виде башни с угловыми выступами в Самадло V—IV вв. до н.э., культовые комплексы Цихнагора III в. до н.э. и Дедоплис миндори II—I вв. до н.э. В последнем представлены храм огня и семь других

(малых) храмов одного типа – с квадратной целлой, открытым портиком-айваном и обходом.

2.2. Все указанные культовые постройки Грузии генетически восходят к персидским прототипам – к храмам огня ахеменидского времени – Пасаргады, Кааба-и-Зардушт, Сузы, Кух-и-Ходжа.

3. Анализ данных археологии, этнографии, ономастики, письменных источников и т.д. дает нам право утверждать, что:

3.1. Уже в эпоху Ахеменидов в Грузию проникают маздеянские культы, сначала и преимущественно в среду правящей верхушки общества, а в последующем и в широкие слои грузинского населения, постепенно сливаясь здесь с местными культами /культы плодородия, астральные культы/.

3.2. Преобразованный на местной почве маздеизм своеобразного толка в эллинистическое время становится родовой религией Парнавазианов, воцарившихся в Восточной Грузии /Картли/ в III в. до н.э.

3.3. В качестве родového культа грузинского царствующего дома маздеизм глубоко внедрился в Грузию уже в эллинистическую эпоху, хотя до уровня государственной религии он здесь никогда не смог возвыситься.

3.4. Впоследствии, когда Сасаниды начали силой насаждать в подвластных им странах, в том числе и в Картли /Иберии/ ортодоксальный персидский зороастризм, последний столкнулся здесь с древним грузинским вариантом маздеизма, который, естественно, не мог быть отождествлен с религией Сасанидов. Отражением именно этой борьбы и является противопоставление "грузинского язычества" "персидской вере" в древнегрузинских источниках.

Н.Л.ГРАЧ
(Ленинград)

ВОСТОЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЯХ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

(по материалам Эрмитажа)

История ювелирного искусства античного времени развивалась в основном постепенно. Работы золотых дел мастеров эпохи архаики и классики, происходящие из разных районов Восточного Причерноморья и Средиземноморья имеют только им присущие отличительные признаки. В результате постоянных заимствований

в локальных группах украшений иногда внезапно появлялись новые течения. Однако лишь по прошествии определенного времени они получали широкое признание.

Походы Александра Македонского открыли огромные возможности для восточных влияний на греческий мир. В связи с чем ювелирные изделия эллинистического времени, как и другие произведения античного искусства претерпевают резкие изменения. С конца IV в. до н.э. в изобразительных, стилистических и технических приемах появляются мало или вовсе неизвестные ранее тенденции, прочно внедрившиеся в ювелирное дело последующего времени. Их можно классифицировать следующим образом: новые формы изделий, новые системы украшений и новые декоративные мотивы.

К последним относится так называемый "гераклов узел" — орнаментальный мотив, пришедший из Египта и получивший чрезвычайно широкую популярность в эллинистических украшениях. Востоком явно навеяна приверженность к амулетам, которые служили оберегами, а иногда играли и декоративную роль в качестве подвесок к ожерельям и серьгам.

В Греции формируются новые типы серег, в которых часто присутствуют восточные элементы в виде диска, полумесяца, рога и т.д.

Самым значительным новшеством, которое изменило внешний вид греческих ювелирных изделий является полихромия, стремление к ярким красочным сочетаниям. Это достигалось путем щедрого применения в золотых украшениях инкрустации из полудрагоценных камней, цветного стекла и эмалей.

Ювелирные изделия IV—I вв. до н.э. наиболее полно представлены в погребальных комплексах Боспора, таких как Карантинное шоссе, Зеленский и Артюховский курганы, захоронения эллинистического времени в некрополе Горгиппии и другие. Они дают возможность проследить развитие этого замечательного вида искусства во всем его многообразии.

Э.Л.ДАНИЕЛЯН
(Бреван) .

ПЛИНИЙ СТАРШИЙ И АНАНИЯ ШИРАКАЦИ

Влияние эллинистической культуры—носительницы классических традиций в синтезе с восточными вышло далеко за хроно-

логические пределы породившей ее социально-экономической эпохи. Греческая культура, прошедшая через горнило эллинистической культуры, сохранившись в римскую эпоху, явилась основой византийской культуры.

В становлении раннефеодальной армянской культуры, в особенности в области разработки естественнонаучных воззрений на базе античных идей, значительную роль сыграли эллинистические традиции.

Многие достижения античной науки были собраны воедино Плинием Старшим /23-79/ в его энциклопедическом многотомном труде "Естественная история". Наряду с трудами Аристотеля /384-322/ и Птолемея /83-161/, сравнительный анализ труда Плиния с "Космографией" Анания Ширакаци /610-685/ открывает большие перспективы в области выявления тех истоков, из которых питалась естественнонаучная мысль раннесредневековой Армении. Из положений "Космографии" Анания Ширакаци, ведущих к труду Плиния, наиболее яркими являются сведения о связи землетрясений с "небом звезд" и о созвездии Рака. Идея о связи землетрясений с "небом звезд", содержа сродство с современной теорией о связи межпланетных атмосферных процессов с сейсмичностью Земли, исходит из теории вавилонян о землетрясениях и трещинах на поверхности Земли, которую подробно излагает Плиний. В сообщениях Плиния и Анания Ширакаци наблюдается большая схожесть касательно описания облакоподобного скопления звезд, именуемого Ясли, и расположенного между двумя звездами /Ослыта/ в созвездии Рака.

Освоение учеными и мыслителями раннефеодальной Армении, традиций эллинизма на почве армянской самобытной культуры, дало значительные результаты в развитии естественных и гуманитарных наук.

Ю.М.ДЕСЯТЧИКОВ
(Москва)

К ЭТНОГРАФИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ (МАКРОКЕФАЛЫ)

I. Из сопоставления данных античных авторов выясняется, что в юго-восточном Причерноморье обитал народ, получивший нарицательное наименование "макрокефалов" - длинноголовых. Время появления макрокефалов в этом районе - первая полови-

на — середина IV в. до н.э.

2. Антропологическая характеристика, которую дает макрокефалам Псевдо-Гиппократ, позволяет сделать вывод, что племя, к которому относится данное определение, применяло искусственную деформацию головы. Эта антропологическая особенность отмечается античными авторами только у сираков, что дает возможность идентифицировать в предположительной форме макрокефалов с сираками.

3. Анализ свидетельства Страбона (XIV, I4, I4) "о фракийцах-сарапарях, поселившихся над Арменией", позволяет прийти к выводу, что в данном тексте произошла описка и вместо "сираков" здесь вставлены "фракийцы". Эта правка текста Страбона подтверждается другими данными нарративных источников, фиксирующих пребывание сираков-сарапаров (головорезов) в юго-восточном Причерноморье.

4. Разбор сообщения Мовсеса Хоренаци о родоначальнике ширакских князей Камсари позволяет прийти к выводу, что господствующий слой в Шираке пользовался обычаем искусственной деформации головы и генетически связан с сираками.

5. Появление сираков-макрокефалов в юго-восточном Причерноморье относится ко времени первой половины IV в. до н.э. и связано с захватом сираками важнейшей торговой артерии Древнего Мира — Индийского пути, шедшего от юго-восточного Причерноморья через Бактрию в Индию.

В.С.ДОЛГОРУКОВ
(Москва)

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ ДИЛЬБЕРДЖИНА

Изучение фортификационных сооружений того или иного города позволяет воссоздать историю становления, установить периоды расцветов и упадков, гибели городской жизни. Работами советско-афганской археологической экспедиции исследованы фортификационные сооружения городища Дильберджин, относящиеся к различным историческим эпохам.

В греко-бактрийское время на месте небольшого ахеменидского укрепления возникает большой город, окруженный крепостными стенами. В соответствии с эллинистической традицией создания городов в относительно ровной местности, городские укрепления Дильберджина принимают геометрически правильные в

плане очертания — близкие к квадрату.

Фортификационные сооружения Дильберджина эллинистического времени состояли из городских стен, усиленных прямоугольными башнями. С наружной стороны стен был выкопан ров. В северо-восточном углу города имелось самостоятельное укрепление, в центре которого находился храм. В геометрическом центре города, на месте ахеменидского укрепления, было начато сооружение грандиозной круглой в плане платформы, назначение которой остается неясным.

Крепостные стены, подобно многим греко-бактрийским укреплениям, сооружены из чередующихся слоев пахсы и сырцовых кирпичей. Цоколь стен, целиком сложенный из пахсы, расширяется к низу. С наружной стороны верхние части стен и башен, аналогично некоторым другим укреплениям Центральной Азии, расчленены слабо выступающими пилястрами.

Принцип самого градоустройства города, строительная техника, размеры сырцовых кирпичей, археологические находки, среди которых особое место принадлежит монетам, и сравнения с другими памятниками греко-бактрийского времени позволяют отнести дату создания этих городских укреплений Дильберджина к концу III — первой половине II вв. до н.э. Эти крепостные стены продолжали существовать после незначительных ремонтных работ и в раннекушанское время.

Таким образом оборонительные сооружения Дильберджина представляют еще один пример греко-бактрийских фортификаций, которые возникли под влиянием греко-македонского градостроительства и его оборонительных концепций.

С.Т.БРЕМЯН
(Бреван)

ЭЛЛИНИЗМ И ХРИСТИАНСТВО В АРМЕНИИ

Утверждение римского владычества на Востоке и сопутствующий ему социальный и политический гнет подвластных народов порождали различные эсхатологические и сотирологические-мессианистские настроения и идеи. На базе этих идей и возникло религиозное учение — христианство.

Эти идеи сначала были подхвачены низшими слоями населения, но с течением времени в эти движения были вовлечены также господствующие слои общества.

Из представителей господствующих классов выходят первые теоретики нового религиозного учения, которые стремятся обосновать его древнегреческой философией. В этих исканиях выражался кризис античного мира, охвативший как социально-экономические отношения, так и идеологию. Это был кризис рабовладельческих отношений, в недрах которых вызревали феодальные отношения.

В этой обстановке всеобщего кризиса и брожения умов старого общества, в недрах эллинистического мира возникают различные синкретические культы, из которых наиболее сильным и влиятельным становятся христианские общины.

На Востоке особое распространение получают различные дуалистические учения, которые выливаются в манихейство и зороастризм. Последний стал официальной государственной религией сасанидского Ирана. Новая государственная религия стала знаменем военно-политической экспансии сасанидского Ирана. Армения в борьбе за сохранение своей государственности, зороастризму противопоставляет христианство.

Политические условия царства Великой Армении, когда значительная часть ее подпала под власть сасанидского Ирана и даже сделалась "дастакертом" царствующей династии Сасанидов, толкали ее в сторону Римской империи. Пропаганда нового религиозного учения — христианства рассматривалась прежде всего как укрепление позиции антисасанидского политического направления.

Христианство, которое проникало в Армению из двух основных центров — из Эдессы и из Кесарии Каппадокийской, нашло готовую почву среди различных слоев населения и когда были созданы соответствующие условия, оно было провозглашено государственной религией.

В настоящее время можно считать научно обоснованной дату крещения армян в 301 г. Была организована армянская церковь во главе с ее главой католикосом. Первым католикосом был Григорий Просветитель.

Царство Великой Армении в военном отношении входило в состав Понтийского диоцеза с центром в Кесарии Каппадокийской. Новообразованная армянская церковь иерархически подчинялась митрополиту Кесарии, куда отправился для рукоположения Григорий Просветитель.

Тиридат III (274—332) по специальному распоряжению обеспечил нарождающиеся церковные чины обширными земельными владениями.

После Армении христианство стало господствующей религией Иберии-Картли (в 337 г.) и Албании (в 367 г.).

Развивающаяся христианская церковь Армении, Иберии и Албании становится идеологией нарождающейся феодальной знати и вместе с тем идеологическим оружием в борьбе с экспансией сасанидского Ирана. Позиции христианской церкви Армении, Иберии и Албании особенно усилились после провозглашения христианства государственной религией Римской империи, которое совершилось при императоре Феодосии I Великом (379-395).

После принятия христианства в Армении увлечение эллинистической культурой и образованностью не прекращалось, наоборот, оно усиливалось. Это объясняется тем, что армянской письменности еще не существовало, а богослужение происходило на греческом и сирийском языках. Армянская молодежь преимущественно из аристократических семейств, по-прежнему посещала зарубежные центры культуры Греции, Малой Азии и Сирии, и принимала участие в олимпийских играх в Греции, которые были отменены в 394 г. Многие из них попадают в Афины и в другие центры образованности, где в первую очередь изучают философию. В IV в. наиболее ярким примером является деятельность армянского софиста и риторатора Проэресия (276-367), учениками которого являлись выдающиеся "отцы церкви" Василий Великий Кесарийский (ок. 330-379) и Григорий Богослов Назианзин (ок. 329-ок. 390).

Молодежь увлекается неоплатонизмом, который был более созвучен христианскому мировоззрению. Снова усиливается "филэллинство" как определенное идейно-политическое течение. После изобретения армянского алфавита Месропом Маштоцом (361-440) в 393-406 гг. развернулась грандиозная деятельность "переводчиков". Была переведена Библия и книги для практических нужд церкви. Церковное богослужение уже ведется на армянском языке.

Так в борьбе с засильем, покровительствуемого Сасанидами сирийского влияния в Армении, в армянской образованной среде сложилась модифицированная форма эллинистического мышления уже на армянском языке. Освоение эллинизма происходило творчески и приводило к сложению раннефеодальной армянской культуры. Именно в этот период сложился древнеармянский литературный классический язык - "грабар", на котором была создана богатейшая литература и терминология.

Усиление филэллинских настроений и распространение греческой культуры и образованности заложили основы для сложения в Армении эллинофильской школы, которая связывается с богословием, но в области философии усиливается светское направление, которое становится господствующим со второй половины У в. К этому периоду относится деятельность армянского мыслителя, философа Давида Непобедимого, творческое наследие которого является свидетельством становления армянской оригинальной и самобытной философской литературы.

М.О.ЗАРДАРЯН
(Ереван)

О ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ АРТАШАТА В СВЕТЕ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ЗАКАВКАЗЬЯ ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА

Находки античных монет в Армении далеко не редки, однако до недавнего времени объем нумизматического материала из раскопок был весьма невелик. Археологическое изучение Арташата в значительной мере восполнило этот пробел и позволило на основании добытого материала обсуждать проблемы экономической жизни города, наряду с некоторыми аспектами связей Армении и Закавказья с античным миром.

К числу наиболее интересных находок в Арташате относится клад из 46-и серебряных монет различных эллинистических государств, чеканенных в III-I вв. до н.э., обнаруженный в одном из помещений северо-восточного квартала города /1972, холм № I/.

Основную часть клада составляют монеты Селевкидов, Парфии и Каппадокии. К числу редких в Армении находок следует отнести тетрадрахмы Афин "нового стиля", чеканенные в конце II в. до н.э., а также впервые регистрируемое здесь албанское подражание драхме Александра Македонского.

Самой древней монетой клада является раннепарфянская драхма конца III или начала II вв. до н.э., позднейший же ее экземпляр принадлежит Ариобарзану I и чеканен в 67 г. до н.э. Консервация комплекса была по всей вероятности вызвана осадой Арташата в 66 г. до н.э., в период восстания, поднятого Тиграном Младшим против отца своего — Тиграна II.

Некоторые более потертые монеты клада просечены с края, с целью пробы металла, что позволяет предполагать формирова-

ние последнего в пределах города.

Объективность состава клада, за исключением подражания Александру, подтверждается находками соответствующих монет как в самом Арташате, так и в других пунктах Армении.

В арташатской коллекции необходимо особо отметить две медные монеты царя Набатей Арета IV, чеканенные в Петре. Монеты эти, рассматриваемые в комплексе с аналогичными находками на юге Армении и сведениями античных авторов, позволяют выдвинуть предположение о наличии торговых связей между Армянским царством и Nabatees.

Исследование обнаруженных в Арташате монет Парфии, Селевкидов, Финикии, Набатей, Каппадокии, Понта, Афин и др., вкуче с археологическими и источниковедческими данными, восстанавливает картину широких международных связей города. В свою очередь, картография находок античных монет в пределах исторической территории царства, способствует выявлению и конкретизации торговых магистралей, связующих Армению, а посредством ее и Центральное Закавказье /Иберия, Албания/ с античным миром.

В собрании эллинистических монет из Арташата значительным количеством представлены также серебряные и медные монеты Тиграна II и Артавазда II, изучение которых проливает свет на некоторые внутриэкономические проблемы позднеэллинистической Армении.

Б.В.ЗЕЙМАЛЬ
(Ленинград)

БАКТРИЙСКИЙ ПОРТРЕТ

1. Одна из наиболее серьезных проблем в изучении эллинистической культуры на Востоке — определение соотношения между "западным" и "восточным" началами в том "гибридном" и трудно-расчлененном историко-культурном сплаве, который демонстрируют нам каждый конкретный памятник, каждая серия предметов, каждая область, страна, регион. Еще сложнее эта задача, когда речь идет о памятниках искусства и, в частности, об эллинистическом портрете на Востоке.

2. Изображения греческих правителей Бактрии на монетах середины III-II в. до н.э. по праву считаются "вершиной античного медальерного искусства". Затерянная в глубинах Азии — на Дальнем Востоке ойкумены и оторванная от остального эл-

линского мира, Бактрия создала галерею царских портретов, в которых портретность (в "западном" понимании) выражена с необычайной художественной силой, позволяющей исследователям не только отмечать "беспощадный реализм" (А.Н. Зограф) греко-бактрийских портретов, но и пытаться рассматривать их как портреты психологические, выражающие духовную сущность изображенных (В.Тарн, Г.А. Пугаченкова).

3. Художественные достоинства греко-бактрийских портретов на монетах как бы заслонили от большинства исследователей их историко-познавательную ценность, хотя осторожные попытки исследовать бактрийский портрет и под этим углом зрения также предпринимались (К.В. Тревер).

4. Решающее значение для анализа портрета греко-бактрийских царей на монетах имеет сопоставление изображений с титулатурой в легенде (об.ст.), особенно — в моменты появления новых изобразительных признаков.

5. Сопоставление изображений и легенд позволяет (помимо диадемы = βασιλευς — восточного символа царственности, заимствованного эллинистическим миром у Ахеменидов и неизменно присутствующего на голове всех греко-бактрийских царей) выделить ряд дополнительных регалий, имеющих специализированное значение и коррелирующихся с определенными эпитетами в царской титулатуре. "Шлем с султаном-гребнем", судя по монетам Эвкратида, соответствовал эпитету "великий" = ΜΕΓΑΣ в титулатуре. Шапочка, напоминающая берет, определяется как кавсия (Антимах, Деметрий, Лисий, Аминта и Антиалкид); ее специализированное значение как регалии — победоносность, выраженное в титулатуре несколькими эпитетами (ΑΜΙΚΗΝΤΟΣ, ΜΙΚΗΦΟΡΟΣ, ΜΙΚΑΤΩΡ). Можно предполагать, что небезнадежными окажутся поиски значения других царских регалий на греко-бактрийских монетах, а также иконографических схем для царского портрета.

6. Пластическое совершенство и художественная выразительность греко-бактрийских царских портретов, характерные для сравнительно ограниченного периода в греко-бактрийской чеканке и далеко не для всех штемпелей, участвовавших в чеканке, не исключают того, что по своей сущности царский портрет на греко-бактрийских монетах был, в полном соответствии с восточными традициями, портретом официальным — с устойчиво регламентированным набором атрибутов = эпитетов.

О ПУТЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОЛХИДЕ И ИБЕРИИ

1. В опубликованной за последние годы археологической литературе в научный оборот вводится новый раскопочный материал из древних городищ Пичвнари, Эшери, Вани, Даблагоми, Самадло, Настагиси, Мцхета и др., представляющий ценный источник для изучения вопроса о проникновении эллинистических влияний в различные сферы хозяйственной и общественной жизни Колхиды и Иберии: торговлю и ремесленное производство, градостроительство и архитектуру, духовную культуру и т.д. Указанные археологические памятники дают возможность установить и основные очаги распространения эллинистической культуры в Колхиде и Иберии: Малая Азия (в частности южнопонтийские города — Гераклея, Амис, особенно Синопа) и Селевкидская Сирия; прослеживаются также пути, посредством которых эллинистическое влияние из этих очагов проникало в западные и восточные районы Грузии.

2. Пути распространения эллинистической культуры в древней Колхиде и Иберии были различны. Если в Западную Грузию элементы этой культуры просачиваются в основном через прибрежные города (Пичвнари, Фасис, Диоскурия), представляющие с раннеантичной эпохи значительные центры тесного соприкосновения Колхиды с античным миром, в Восточную Грузию они проникают как с юга (через Сирию, а в последствии и Месопотамию), так и из Колхиды (посредством Лихского перевала). Пути распространения эллинистической культуры совпадали с основными торговыми магистралями, посредством которых Колхида и Иберия, активно включившись в экономические связи с эллинистическим миром, вступают в разносторонние и непосредственные контакты с этим миром.

3. Помимо торгово-экономических отношений, насаждению элементов эллинистической культуры и техники в различные области экономической и общественной жизни древней Грузии в значительной мере способствовали и греческие мастера-ремесленники (из Синопы, Гераклеи и т.д.), проживавшие в прибрежных городах Колхиды (Пичвнари, Диоскурия), возможно, и во внутренних ее районах (Вани) и принимавшие, по всей ве-

роятности, участие в городском строительстве и ремесленном производстве (изготовление черепицы, амфор и т.д.).

4. В процессе эллинизации населения Колхиды, как и Иберии, зачастую (в определенные периоды) активную роль играл политический фактор, в частности политическая ориентация Иберии на Селевкидскую Сирию в III в. до н.э., а в конце II-го века зависимость Колхиды от понтийского царя Митридата VI, во время господства которого наблюдается значительное усиление влияния эллинистической культуры в центральных районах Западной Грузии.

В.И.ИСАЕВА
(Москва)

КОНФРОНТАЦИЯ ГРЕКОВ И ВАРВАРОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ЭЛЛАДЫ V-IV вв. ДО Н.Э.

1. До VI в. контакты полисов с негреческими государствами в Азии не оказывали заметного влияния на политическую мысль Эллады. Победа, одержанная эллинами в греко-персидских войнах, воздействовала не только на ход исторического процесса, но и на развитие идеологии. После столкновения с Персией понятие *βάρβαρος* приобрело враждебный оттенок, сформировалась устойчивая антитеза *Ἕλληνας - βάρβαρος*.

2. Первоначально конфронтация греков и варваров проявилась в представлении, что персы хотели поработить греков. Столкновение понятий *ἐλευθερία* и *δουλεία* в ходе освободительной войны привело в дальнейшем к тому, что свобода стала трактоваться как квинтэссенция полисных ценностей, а рабство — как неотъемлемая черта варварских государств.

3. Пелопонесская война способствовала использованию антитезы "грек-варвар" в разработке теории межполисных отношений. Вооруженные конфликты между греческими государствами стали объясняться подстрекательством Персии, враждующие полисы обвиняли друг друга в подкупе персидским золотом.

4. Широкое распространение получила идея панэллинизма — единства греков перед варварским миром. Если в греко-персидских войнах призыв предназначался для отражения реальной опасности, то в IV в. лозунг *ὁμόνοια* всех эллинов означал объединение с целью завоевательного похода на Вос-

ток. Были разработаны аргументы для его морального оправдания /окончательно сложилась характеристика варваров как рабов по природе/, преуменьшен военно-экономический потенциал Персии и преувеличены ее богатства. Завоевание Азии представлялось панацеей от всех бед греческого общества.

5. В IV в. на политическую идеологию стали активно влиять взаимоотношения полисов с Македонией. Как и в VI в., в призыве к единству эллинов превалировал военный оттенок — над Грецией нависла угроза завоевания. Противопоставление греков и варваров использовалось в политической пропаганде как стимул для создания межполисного союза и обоснования права Афин на гегемонию в нем. Понятия *ἑλευθερία* и *δουλεία* снова приобрели внешнюю ориентацию; целью македонского царя было объявлено порабощение греков, Афины выступали в роли защитников не только собственной свободы, но и свободы всех эллинов.

М.Х.ИСАМИДИНОВ
(Самарканд)

КЕРАМИКА СОГДА В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

1. До недавнего времени керамика эллинистического времени с ее характерными чертами была известна в основном на Афрасиабе. Работами последних лет сотрудниками Института археологии АН УзССР на территории как в Бухарском оазисе, так и Кашкадарьинском, были получены чистые керамические комплексы эллинистического времени.

2. На территории городища Бркуртан в последние годы, в стратиграфически последовательных слоях, получены керамические комплексы, где можно проследить как развитие форм, так и смену комплексов разных эпох.

3. Керамические комплексы древнесогдийского периода Бркуртана четко разделяются на два этапа, где господствует цилиндрическая форма и она не исчезает полностью с захватом Средней Азии войсками Александра Македонского. В керамических комплексах III-II вв. до н.э. некоторые сосуды /хумы, хумчи, некоторые формы горшков и т.д./ сохраняли свою прежнюю баночную форму, но в это время преобладала, конечно, новая для Средней Азии "открытая" форма.

Характерными были чашевидные кубки на дисковидных и плоских поддонах, открытые блюда, светло-серым ангобом, Т и Г-

образ. : венчики мисок, корчаги, хумы и хумчи с широкими горловинами. Черепки сосудов светло-коричневые, желтые, в наломе они острые. Ясно выраженные прототипы в греческой посуде отсутствуют.

В комплексах II в. до н.э. — I в. н.э. были широко распространены цилиндрико-конические кубки, бокалы с изломами на верхней трети, красноангобированные чаши с желобками по краю бортика с внешней стороны и блюда, появились "кратеры".

В это время исчезает светло-коричневый, желтый, плотный черепок, который заменен коричневым и красным тестом, увеличилось число красноангобированной керамики.

4. В Бухарском оазисе еще в III в. до н.э. сохраняется широко распространенная цилиндрическая форма, большинство сосудов с внешней стороны имели полосы рифлений, пояски-валики /Мухамеджанов, Ураков, Ахраров, Усманова/, характерны были желтоватые, светло-коричневые и красноватые черепки. Характерными формами были открытые блюда, цилиндрико-конические кубки на плоских поддонах /а позднее на ножках/, чаши Т-образными венчиками. Явно выраженные аналогии греческой посуде как "биконические сосуды", "кратеры", "рыбные блюда" и т.д. в Бухаре отсутствуют.

5. Степень эллинизации в Самарканде сильнее, чем в долине Кашкадарьи или в Бухарском оазисе.

А.Я.КАКОВКИН
(Ленинград)

ЖИВОПИСНЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПОРТРЕТЫ ИЗ ЕГИПТА

(К вопросу об эллинистических традициях в памятниках станковой живописи Египта IV-VI вв.)

Среди немногочисленных памятников станковой живописи Египта IV-VI вв. можно выделить небольшую группу выполненных темперой погребальных портретов (два парных портрета из Берлина, портрет в Эрмитаже и портрет, находившийся в частном собрании в Мюнхене).

Все эти своеобразные памятники происходят из Египта и являются последним звеном цепи, начало которой образуют так наз. "фаимские портреты", появившиеся в IV в. На связь с последними указывает не только их назначение, но и небольшие размеры, погрудность изображения моделей, их фасовое рас-

положение, использование темперы, нанесение красок на незагрунтованную доску. В то же время от погребальных портретов только шаг к иконе. В них налицо ряд особенностей, присущих ранним иконам: нетолстая доска, отсутствие шпонок, сохранение по краям не покрытых краской полос (для выдвижения портретов в рамы); близок иконным изображениям и тип портретируемых — в них нет даже намека на индивидуализацию: взгляд больших, широко открытых глаз устремлен вперед и как бы углублен в себя, формы трактованы обобщенно и скупо.

Основная отличительная черта погребальных портретов — предельное упрощение технических и художественных средств и, тем не менее, К. Вессель, говоря о берлинском экземпляре (как о мёбельной доске), счел возможным отметить высокое качество его исполнения, что основано, по его мнению, на давней традиции египетского эллинизма и может указывать на изготовление памятника в середине VI в. в мастерской Александрии.

Нам думается, что Вессель ошибался по всем статьям: и относительно высоких художественных достоинств портрета, его датировки, места изготовления, и, наконец, назначения. (Пожалуй, единственное, что роднит этот памятник с античными прототипами, это то, что модели на нем представлены по грудь). Все характеристики Весселя вполне приложимы к другой группе египетских памятников V—VI вв., выполненных энкаустикой: ящичек с изображениями Христа, святых и ангелов (Берлин), доски с погрудными изображениями крылатых "гениев" (Вашингтон, Нью-Йорк), доска с изображением птицы (Нью-Йорк).

Таким образом, можно отметить, что станковая живопись Египта IV—VI вв. представлена памятниками, отражающими две противоположные тенденции. Разнообразные по тематике изображения, выполненные энкаустикой и связанные, по-видимому, с Александрией, свидетельствуют о живучести старых эллинистических традиций, впитавших в себя полнокровное искусство Греции и Рима. Особенности, присущие созданным в IV—V вв., вероятно, в Фаюме, погребальным портретам, типичны для низового, народного искусства коптов.

С конца VI в. происходит во многом компромиссное сближение этих тенденций, в результате чего в Египте появляются первые иконы (епископ Авраам, св. и св. Федор — Берлин; св. Мина и Христос, св. Марк, ангел (?) — Париж; евангелист — Каир; св. Лука и св. Марк — Вашингтон, св. Воин — Ленинград и др.).

ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА АНТИЧНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ АРМЕНИИ И ИХ СВЯЗЬ С ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИМ МИРОМ

1. За последние годы на территории Армении широко развернулись археологические раскопки объектов античного периода, которые дают богатый археологический материал и выявляют некоторые вопросы планировки и структуры населенных пунктов /городов, поселений/.

2. О планировке и архитектурной застройке античных городов и поселений мы имеем определенные сведения из письменных источников. Кроме того к вопросам архитектурной планировки таких городов как Армавир, Ервандашат, Арташат, Тигранакерт, Вагаршапат к настоящему времени обратились и современные авторы, что и позволяет наиболее шире представить картину их планировочной структуры.

3. Имеющиеся археологические данные позволяют к настоящему времени представить предварительную картину планировочной сетки поселений раннего периода и их дальнейшее развитие и изменения, при этом необходимо учесть, что города застраивались одновременно, вероятнее всего по имеющемуся заранее единому строительному плану.

4. Исследования всех имеющихся данных говорят о том, что застройка городов Армении находит определенную общность с градостроительной культурой эллинистического мира с одновременным учетом традиционных особенностей градостроительства Армении в более ранних периодах.

И.А.КАРАПЕТЯН

(Бреван)

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ АРМЕНИИ

(по материалам раскопок поселения

Карцахпюр)

1. Античное поселение Карцахпюр, раскапываемое с 1975 года, расположено на возвышенном мысу, на южном берегу оз. Севан. Раскопками открыт южный отрезок крепостной стены, часть жилых комплексов на юго-восточном углу поселения и часть некрополя. Несмотря на то, что раскопана лишь неболь-

шая часть поселения, полученный материал позволяет сделать ряд предварительных выводов по характеру архитектуры и материальной культуры поселения.

2. Поселение повторяет конфигурацию местности, обведено мощной крепостной стеной, выходящей с северной стороны к берегу озера. Для усиления защиты стена в ряде мест образует изломы — черты, характерные для фортификации поселений и крепостей предшествующего раннеармянского времени.

Наблюдения поверхности и раскопки показывают, что поселение было сплошь застроено. Вся территория разделена на ряд секций, продольными стенами тянувшихся с севера на юг, обладающими оборонительными и конструктивно-строительными функциями. Жилые комплексы одной стороной примыкают к этим глухим стенам, а дверными проемами выходят в разделяющие их коридоры. Прямоугольные комнаты соединяются между собой дверными проемами шириной до 1 м. при этом обнаружены на месте каменные подпятники. Комнаты, по всей вероятности, имели плоские и ступенчато-сводчатые перекрытия, как это видно по находке четырех баз в одной из центральных комнат. Это особый тип жилища — глхатун с перекрытием, опирающимся на четыре деревянных столба, широко представленный с древнейших времен до наших дней в народной архитектуре Армении и Закавказья.

3. Строительные приемы и материалы для всех построек, независимо от их типов и размеров, одинаковы. Строительный материал — камень, который используется при возведении стен, вымостки полов, для подпятников, сооружения дверных проемов и баз колон. Стены построены двухпанцирной техникой с заполнением мелких камней и земляным раствором, прием которой идет от местной строительной техники времени поздней бронзы и раннего железа. Внешняя поверхность жилищ покрыта глиняной обмазкой. Стены сооружений имеют большую толщину от 1,6—2,3 м, обстоятельство, объясняемое не только конструктивными соображениями, но и необходимостью теплоизоляции помещений.

Планировка раскопанных комнат свидетельствует об употреблении традиционной планировочной схемы и о определенном уровне развития строительного дела.

Из вышеизложенного следует, что в поселениях Армении эллинистического времени развивался созданный в местных условиях и приспособленный к ним тип народного жилища.

4. Раскопки поселения и синхронных погребений дают массовый археологический материал, состоящий из комплексов определенных предметов, повторяющихся в других памятниках эллинистической Армении. Таков устойчивый набор форм керамики (карасы, кувшины, чаши, фиалы, миски, лютерий, светильники и т.д.), выполненных в традиционной для этого времени техникой лощения и росписи, группы орудия из металла и камня (серпы, ножи, зернотерки, ступы и др.) а также характерные украшения, отражающие общий уровень развития страны. С другой стороны памятник лишен таких ярко выраженных эллинистических элементов, как терракоты, импортная керамика и их местные подражания, которые обнаруживаются в городах (Арташат, Армавир), в городских поселениях (Ширакаван) и в царских крепостях (Гарни), из чего явствует, что поселения Армении III—I вв. до н.э. в разной степени были вовлечены в сферу эллинистической культуры.

5. Хозяйство поселения имеет комплексный характер. Население занималось земледелием, скотоводством, рыболовством и подсобными ремеслами, связанными с обработкой сельскохозяйственного сырья.

Поселение Карчахпур представляет тип поселений — аван эллинистической Армении, где архитектурные и строительные начала развиваются с учетом специфических местных, природно-климатических, общественно-бытовых условий, где не чувствуется мало-мальски сильное эллинистическое влияние.

Н.Ш.КИГУРАДЗЕ
(Тбилиси)

КОЛХСКОЕ СЕЛО В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ
(По материалам Дапнарского селища и
могильника)

1. Исследование селищ античной Колхиды началось сравнительно недавно. Археологический материал, накопившийся за последние годы, позволяет приступить и к рассмотрению проблемы взаимоотношения поселений с эллинистическим миром.

2. Разнообразные археологические источники были получены в результате раскопок Дапнарского селища /левый берег р. Риони, Самтредский р-н Грузинской ССР/ и связанного с ним кувшинных погребений IV—III вв. до н.э.

3. В эллинистическую эпоху часть общинников-земледельцев втянута в торгово-денежные отношения, они выступают потребителями различных импортных товаров. Под влиянием греческих гончарных изделий появляются новые формы в местной керамике. Появляются новые элементы и в погребальном обряде.

Аналогичная картина наблюдается и в других поселениях Западной Грузии данной эпохи /Даблагоми, Мтисдзири, Междуречье Супса-Натанеби и др./.

М.М.КОБЫЛИНА
(Москва)

ТЕРРАКОТЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ГОРОДА

При изучении культуры и искусства эллинистического города наряду с монументальной скульптурой, не полностью до нас сохранившейся, особого внимания заслуживают терракотовые статуэтки, дошедшие до нашего времени в огромном количестве.

Если в греческих городах в период полиса такие статуэтки в основном были связаны с культом, то в эпоху эллинизма их содержания становится более широким: культовое значение терракот сохраняется (как часть погребального ритуала или же как приношения богам в храмах и домах), но значительная часть их связана просто с жизнью города, с бытом его обитателей.

Они относятся к характерному для эллинистической скульптуры разделу — к жанру и, может быть, ярче, чем монументальная скульптура, отражают новые интересы человека к окружающему миру, к самым разнообразным явлениям жизни.

Владея высокой техникой, коропласты достигли в это время возможностей реалистической передачи человека с характерными особенностями этноса, социального положения и рода занятий. (Например, мастерски передается профессиональное движение уличного певца и мима, танцовщицы в развевающейся одежде, немощного старика, уродливой старухи и забавляющихся детей).

Живое изображение актеров новой комедии в соответствующей одежде, масках и движениях значительно дополняют литературные сведения о новой комедии.

Большим успехом пользовались статуэтки уродов, лица искажены болезнью или переживаниями, пародии и карикатуры.

И в то же время встречаются и миниатюрные повторения

известных произведений круглой скульптуры, очевидно, украшавшей город.

В некоторых терракотах ярко отражен распад греческих представлений о богах и героях (в каррикатурных изображениях или же в чисто декоративных решениях). Самым ярким примером является изображение суда Париса на вазе из Ольвии, украшенной прилепленными смехотворными фигурками спорящих богинь, Париса и Гермеса.

Вместе с тем, короластика ярко отражает и увлечение чужеземными культами (Исиды, Митры, Кибелы, Аттиса и др.), особенно органическими, связанные с живым общением между городами обширных эллинистических государств.

В конце эллинистического периода создаются синкретические образы божеств (Сараписа, Исиды-Афродиты, Гора-Гарпократа, Митры-Аттиса и др.), свидетельствующие о смешении религиозных представлений и культов.

Многие крупные эллинистические города славились мастерскими коропластов на весь античный мир. Они отличались своеобразием, источником которого были особенности истории данного города, например, терракоты Александрии в Египте, Смирны, Мираины, Тарса и Пергама в Азии, Коринфа, Танагры, Афин в Греции, терракоты Македонии, Боспора и другие.

А.К.КОРОВИНА
(Москва)

МЕСТНЫЕ И ЭЛЛИНСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НАСЕЛЕНИЯ ФАНАГОРИИ И ТИРАМЫ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

(По материалам раскопок некрополей Фанагории и
Тирамы).

1. Эпоха эллинизма на Боспоре представляет собой сложный исторический процесс, для которого с одной стороны характерна политика правителей, направленная на восток /расширение территории Боспора за счет завоевания восточных земель вплоть до Антикита-Кубани/, с другой – активизация племен Прикубанья и все большее проникновение их в среду Боспорского государства.

2. Это взаимопроникновение различных этнокультур особенно наглядно прослеживается на материалах некрополей, в данном

случае мы берем некрополи Фанагории и Тирамбы, исследование которых в большей части проводилось автором сообщения.

3. Фанагория – один из крупнейших городов Боспорского царства, а в эпоху эллинизма – столица Азиатского Боспора. На протяжении всей своей истории и особенно в эпоху эллинизма она играла важную роль в сложных взаимоотношениях между эллинским населением и пришлыми народами с Востока, особенно в период правления понтийского царя Митридата Евпатора. Материал некрополя наглядно показывает пестроту этнического состава населения, а также его культурных и религиозных укладов. Начиная с III века до н.э. более ярко выражается сарматский элемент в погребальных обрядах.

4. На протяжении всей истории Тирамбы на материалах некрополя и городища прослеживается тесная связь с Фанагорией. Это прежде всего выражается в преобладании среди керамической посуды изделий фанагорийских мастерских. Наряду с увеличением эллинских погребальных обычаев, что мы объясняем увеличением притока населения с Боспора, с III века до н.э. появляются отдельные признаки меото-сарматского погребального обряда, что выражается в северной и северо-западной ориентации костяков, а также случаев положения рук на тазовые кости. Материал некрополя даёт нам основание считать, что носителями отдельных сарматских обычаев были не пришельцы из восточных Прикубанских областей, а с запада, скорее всего из Фанагории.

С.М. КРКЯШАРЯН
(Бреван)

НЕКОТОРЫЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО ГОРОДА

Начиная с III в. до н.э. грандиозный процесс эллинистического градостроительства захватил также и Армению.

Возникновение ряда городов (Армавир, Ервандашат, Арташат, Тигранакерт, Вагаршапат и др.) в древней Армении не случайно. В раннеэллинистический период завершился процесс консолидации армянских племен в единый народ, ознаменовавший период экономического, политического и культурного расцвета Армении.

Отдельные характерные черты эллинистического города намечаются также и в армянских городах древности.

Новопостроенные города в Армении носили, в основном, династические названия. Эти города, как правило, заселялись при помощи синойкизма, проводимого армянским царем.

В эллинистический период синойкизм широко применялся царями как способ основания городов и развития городской жизни.

В Армении создание новых городов поставило перед армянскими царями неотложную проблему — обеспечить эти города необходимым населением.

В силу исторических обстоятельств, в Армении были возможны две пути решения этой задачи. 1) При заовевании новых стран насильственно переселить чужестранцев в Армению и заселить ими новые города. 2) Переселить жителей внутри страны из старых поселений на новые места. Если первый путь был характерен для периода царствования Арташесидов, то второй — для периода армянских Аршакидов.

Города Армении, подобно другим эллинистическим городам, были подвластны монарху и в них были назначены царские эпискаты, обладающие политической и военной властью и носившие название "шакап".

Армянские города также были обведены оборонительными стенами, характерными для эллинистических городов.

По сообщениям первоисточников, в отдельных армянских городах (Арташат, Тигранакерт) существовали античные театры.

Древнеармянский город, подобно эллинистическим городам, был административно-хозяйственным центром определенного сельскохозяйственного округа.

Город древней Армении являлся также центром ремесел и узлом международной караванной торговли.

Г.А. ЛОРДКИПАНИДЗЕ
(Тбилиси)

ПУТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОЛХИДЕ

I. Греческие самоуправляемые общины в приморских центрах Западной Грузии (Пичвнари, Фасис, Диоскурия и др.) возникают в первой половине VI в. до н.э. В последующие века колхо-греческие контакты становятся еще более тесными и охватывают не только торгово-экономическую, но и культурную сферу. Если в VI—V вв. до н.э. греческому влиянию подвергались представители высших слоев колхского раннеклассового

общества, то в эллинистическую эпоху такому культурному воздействию подвергаются сравнительно широкие слои городского и сельского населения Колхидского царства.

2. Раскопки в Пичвнари /А.Ю.Кахидзе/ показали как протекал длительный и сложный процесс взаимовлияния двух: греческой и колхской культур. В V в. до н.э. греческая и колхская общины Пичвнари имели отдельные, обособленные некрополи с различными обрядами погребения. В могилах пришельцев представлены и местные гончарные изделия традиционного колхского стиля.

В погребальный инвентарь колхов входят греческие ремесленные изделия, в том числе и чернолаковая керамика. В IV—III вв. до н.э. здесь функционирует уже один, обширный некрополь, но этническую принадлежность усопших невозможно определить.

3. Из приморья греческое влияние распространялось вглубь страны. Эпоха эллинизма здесь ознаменовалась развитием городов и городской жизни, распространением греческого строительного дела и ордерной архитектуры, внедрением достижений военного искусства, эллинистической науки и техники и пр. Эллинистическая культура не была насаждена насильственно, механически, путем экспансии. Эллинизация Колхиды была связана с естественным процессом социально-экономического развития страны.

З.А.МАЛАБЕВА
(Душанбе)

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

Промежуточное географическое расположение Кавказа между Азией и Европой являлось важным моментом, обусловившим его историческую роль своеобразного перекрестка этнических, торгово-экономических и культурных связей между Востоком и Западом. Большое значение имели транзитные пути, проходившие через Кавказ из стран Юго-Восточной Азии и Среднего Востока в Юго-Восточную Европу.

Вопросы контактов и торговых путей между народами Кавказа и Средней Азией в той или иной мере затрагивали в своих работах многие исследователи этих регионов. Однако, работ специального характера о среднеазиатско-кавказских

взаимосвязях в эпоху эллинизма почти нет. Данный доклад в определенной степени будет способствовать постановке этой проблемы.

Во второй половине I тыс. до н.э. страны Закавказья оказались втянутыми в международную торговлю. В III-II вв. до н.э. устанавливаются культурные отношения между Кавказской Албанией и эллинистическим миром. Важным транскавказским путем международной торговли становится в это время Прикаспийский путь, значительный отрезок которого проходил по территории Северного Кавказа и который являлся частью древнего пути из Индии через Среднюю Азию к берегам Черного моря. О связях торгово-экономического характера между Кавказской Албанией и государствами Средней Азии свидетельствуют находки монет греко-бактрийских и парфянской царей. Наличие тетрадрахм греко-бактрийских царей Диодота I /сер. III в. до н.э./ и Эвкратиды /ок. 171 г. до н.э./ в Кабалинском кладе и более ранние находки аналогичных монет в окрестностях Тбилиси позволяют говорить об обращении этих монет в Закавказье и о связях с Греко-Бактрийским государством. В эпоху эллинизма /III-II вв. до н.э./ торговые отношения связывают Кавказскую Албанию с Парфянским государством, причем территория Азербайджана и Армении, по мнению специалистов, является областью преимущественного распространения аршакидских монет. На территории Азербайджана в монетныхкладах известны монеты следующих парфянских царей: Фраата I (176-171 гг.), Митридата I (171-138 гг.), Митридата II (123-88 гг.). На основе этих данных установлено, что распространение парфянских монет на территории Азербайджана началось со II в. до н.э. (М.М.Расулова).

На рубеже н.э. через Дербендский проход на территорию Прикаспийской полосы Азербайджана проникают племена сармато-массагето-аланского круга. В Дагестане для этого периода археологически засвидетельствованы катакомбные захоронения, которые некоторыми исследователями (Л.Г.Нечаева) генетически связываются с катакомбами Средней Азии, в частности, бассейна Сырдарьи. Аланские племена Кавказа, по мнению специалистов (И.Г.Алиев, Г.М.Асланов), оформились на базе родственных племенных групп - массагетов Средней Азии с одной стороны и сарматов Поволжья и Южного Приуралья с другой. До алан в зоне Северного Кавказа и в более южных районах отмечены следы пребывания аорсов. Сами аорсы - выходцы из аральско-сырдарьинских областей, возможно, входили в Массagetскую

конфедерацию северной части Средней Азии и Казахстана. По свидетельству Страбона, аорсы вели караванную торговлю на верблюдах индийскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев. Торговлю аорсы вели, по словам источника, потому, что владели большей частью побережья Каспийского моря. Учитывая, что отрезок торгового караванного пути от берегов Каспийского моря до основного русла Амударьи находился под контролем Хорезма, можно предположить существование торговых и культурных отношений между ними и аорсами Северного Кавказа (Р.Р.Мукашева).

Таким образом, функционирование торгового пути, связывающего страны Востока с древними государствами Кавказа и далее с Европой, наличие археологического материала и этнические данные говорят о существовании разнообразных контактов между населением Средней Азии и Кавказа.

А.А.МАСЛЕННИКОВ
(Москва)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕСТНЫХ И ЭЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУР НА БОСПОРЕ В IY—I ВВ. ДО Н.Э.

Собственно эллинизма, в том смысле и объеме, в каком его сейчас понимают большинство отечественных исследователей, Боспор не знал. Все больше сторонников находит точка зрения В.Д.Блаватского о существовании особого протоэллинистического типа античных государств, к числу которых относился и Боспор.

Греко-варварские культурные контакты и взаимовлияния здесь были разносторонни и длительны.

Не во всех областях материальной и духовной жизни Боспора они прослежены одинаково полно. Лучше известно нам отражение этих связей в погребальном обряде, искусстве, торевтике, военном деле, керамическом производстве, религиозных представлениях.

В IY—I вв. до н.э. на Боспоре в городских некрополях господствовал эллинский погребальный обряд (в его ионийском варианте). В начале этого периода еще более или менее отчетливо выделяется относительно небольшой, но все же существенный процент погребений, которые благодаря своему своеобразию можно считать варварскими. Причем особенно четки и многочисленны черты, свидетельствующие о присут-

ствии в городах синдо-меотских элементов. Признаки скифского, а позднее и сарматского проникновения менее заметны. К концу рассматриваемого времени подобное выделение признаков становится все более сложным.

Некрополи III-I вв. до н.э. как бы сnivelированы в отношении обряда. Греческие традиции берут верх, хотя и сам погребальный ритуал боспорских греков несколько изменился.

Несколько иная картина наблюдается в некрополях хоры государства, где, естественно, господствовали различные туземные нормы и обряды. Но в III-I вв. до н.э. и здесь все сильнее дают знать как влияние эллинских представлений, так и смешение самих варварских традиций. Процесс эллинизации основной массы сельского населения Боспора, видимо, завершился к I в.н.э. Это нашло отражение и в погребальном обряде, который с рубежа н.э. практически тождественен городскому.

Такое наиболее яркое явление греко-варварского симбиоза, как тореветика, естественно, требует самостоятельного рассмотрения. Здесь только можно было бы высказать предположение, что "затухание" боспорской тореветики ко II-I вв. до н.э. было вызвано среди прочих причин и все большей утратой местным негреческим населением Боспора вследствие эллинизации (в особенности верхов местных племен) своей самобытной культуры.

Столь же отдельное изложение необходимо и по вопросам боспорской религии и искусства. В области скульптуры в настоящий момент принято в качестве примера греко-варварского взаимовлияния приводить памятники т.н. "синдо-меотской скульптуры". Не отрицая их своеобразия, все-таки, видимо, правильнее рассматривать их как упрощенный, рассчитанный на небогатого, но все же достаточно зажиточного заказчика-горожанина (среди которых были и эллинизированные варвары) вариант обычной для того времени надгробной скульптуры.

В военном деле еще В.Д.Блаватским было отмечено заимствование греками варварского наступательного оружия. Туземная знать в свою очередь частично использовала эллинский доспех. В тактике боспорские военачальники применяли некоторые приемы ведения боя, принятые у местного населения. Об обратном влиянии у нас просто нет сведений, но надо думать — оно было взаимным.

Мы практически ничего не знаем о разговорном языке боспорян. Вне сомнения, в городах господствовал греческий. В масштабах всего государства роль его также была определяющей.

В какой степени он был насыщен "варваризмами" неизвестно. Но он все же обогатился целым рядом заимствованных у местного населения топонимических названий, этниконов и личных имен иранских, индоарийских, а, возможно, и иных языковых групп.

В целом греческое влияние на Боспоре в рассматриваемый период было доминирующим, а эллинизация — определяющей тенденцией.

Необходимо особо подчеркнуть, что Боспор остался вплоть до конца античной эпохи одним из немногих (наряду с Арменией) и единственным в основе своей, эллинским государством, не поглощенным Римом (или какой-нибудь иной крупной державой древнего мира). Поэтому история греко-варварских контактов здесь пожалуй самая продолжительная. При этом сама варварская среда не оставалась неизменной.

В.М.МАССОН
(Ленинград)

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В КУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

I. Эллинизм как конкретно-историческое явление, охватывающее взаимодействие эллинских и восточных элементов во всех сферах от экономического строя и политических организмов до культуры и идеологии, в таком комплексном многообразии представлен в древней Средней Азии по существу лишь в пору существования здесь селевкидских сатрапий, в греко-бактрийский период и, видимо, в значительно меньшей мере в ранней Парфии. Воздействие же эллинистической культуры значительно более широко и территориально и хронологически. В культуре оседлых оазисов Средней Азии, имеющей длительную традицию, восходящую к пласту урбанизированных культур древневосточного облика, в IV в. до н.э. — IV в. н.э. могут быть отмечены два основных пучка культурных инноваций, пришедших к внедрению и распространению новых культурных стандартов и стереотипов. Это прежде всего распространение эллинистических эталонов, дополненное позднее определенным влиянием римской культуры, а также распространение и адаптация традиций кочевого мира. Разный набор этих трех основных компонентов — традиционного /местного/, античного и кочевнического при различном их преломлении в локальной специфике определяет разнообразие архе-

ологических комплексов оседлых оазисов древней Средней Азии и особенности развития отдельных культурных провинций.

2. В период IV-II вв. до н.э. происходит массовая физическая экспансия эллинистической культуры вместе с ее носителями, жителями вновь основанных поселений /Ай-Ханум/ или отдельных кварталов в местных поселках /Сиринко в Гиркании/. Раскопки Ай-Ханума с найденными там греческой скульптурой, эпиграфическими памятниками, специфической архитектурой, включая гимназий, особенно показательны. Находки в погребениях Тиллятепе, среди которых немало весьма ранних произведений, свидетельствуют о том, что в бактрийской провинции одновременно имелся и целый ряд замечательных произведений торревтики. Но в основном все это были, также как и мраморные статуи Нисы в парфянской культурной провинции, произведения чисто эллинского характера. Вместе с тем ритоны из слоновой кости из той же Нисы показывают, что процесс взаимодействия античных и восточных традиций уже набирал полную силу, приводил к созданию шедевров местного варианта эллинистической культуры. Труднее судить о соответствующих явлениях в Согде, где видимо пути культурогенеза во многом были близки Бактрии. В хорезмской культурной провинции эллинистические проявления в этот период почти не прослеживаются.

3. Судя по всему короткий отрезок конца II-I в. до н.э. был переломным в культурогенезе основных культурных провинций древней Средней Азии. В это время завершается ориентально-эллинский синтез, а перемещения значительных масс кочевых племен приносят с собой целый ряд специфических инноваций сравнительно быстро адаптирующихся с местными культурами, но в разных провинциях в разной степени. Важнейшим результатом этих процессов было сложение в I-IV вв. н.э. кушанского культурного комплекса, происшедшее преимущественно на территории бактрийской культурной провинции, который органически включил целый ряд эллинистических компонентов, особенно ошутимых в области архитектуры и искусства. Кушанский культурный комплекс, его стандарты и эталоны в наибольшей мере отвечали уровню развития среднеазиатского общества, чем объясняется его значительное влияние на согдийскую и хорезмийскую культурные провинции, а также на Фергану и Чач. С кушанским культурным комплексом и его воздействиями получали распространение и эллинистические эталоны, но уже в

измененном и трансформированном виде, как это хорошо видно на примере Хорезма. Как нам представляется именно воздействие кушанского культурного комплекса на формирование согдийской культуры VI–VII вв. н.э. привело к появлению там отдельных компонентов, ярко выступающих в торревтике и коропластике явно несущих эллинистический отпечаток. Но в отличие от большой роли этого пласта в кушанскую эпоху в пору раннего средневековья это были именно не более чем отдельные элементы, хотя и вошедшие в культурный согдийский комплекс, но уже почти не определяющие его специфику.

Н.Н.МАТИАШВИЛИ
(Тбилиси)

ЭЛЛИНИЗМ В КОЛХИДЕ

Материальная культура Колхиды с III в. до н.э. носит явно эллинистический характер. Эллинизм проявляется в экономике, строительной технике, религиозных верованиях и т.д. В этом отношении заслуживает внимания обнаружение в Вани изображений божеств греческого пантеона, а также монументальных и монолитных алтарей эллинистического типа.

Распространению эллинизма в Колхиде способствовало главным образом включение Колхиды в международную торговлю, в силу которого она стала составной частью всего эллинистического мира и теснее связалась с ней. Немаловажное значение имело также существование уже налаженных контактов в предыдущий период.

Х.Ю.МУХИТДИНОВ
(Душанбе)

МЕСТНЫЕ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В МАТЕРИАЛАХ САКСАНОХУРА

Городище Саксанохура расположен в южном Таджикистане, раскапывается с 1966 г. Особенно плодотворными были работы 1966–1974 гг. в результате которых удалось раскопать большую часть остатков дворцово-храмового комплекса, расширить изучение ремесленного квартала, обнаружить некрополь, принадлежащий населению Саксанохура.

Местные и эллинистические традиции наблюдаются во всех

категориях полученного археологического материала, но особенно отчетливо выявляются в архитектуре, религии, в погребальном обряде. Если эти традиции отчетливо выявляются для слоя греко-бактрийского времени, то эллинистическое меньше наблюдаемо в кушанский период, когда местные традиции берут верх и эллинистические элементы, хотя существуют как компонирующий момент, но не преобладают, вернее не одинаково сильны, как местные традиции.

В архитектуре местное выявляется в строительном материале, в строительной технике. В Саксанохуре планировочным фокусом комплекса является двор. Это было специфично и для Северной Бактрии. Айванный портик находится с южной стороны двора и отличает ее от греческой. В Саксанохуре главный зал вытянут по поперечной оси, среди деталей каменной архитектуры имеются ступенчатые торовидные базы на квадратных плинтах.

Но Саксанохурский дворцово-храмовый комплекс являет собой один из этапов развития бактрийской архитектурной школы, имеющий воздействие эллинистического и римского зодчества. Бактрийское зодчество восприняло отдельные архитектурно-планировочные схемы, усвоило и в переработанном виде продолжало развивать их. Прочно вошли в репертуар бактрийской архитектуры колонные стойки, оказались жизнеспособными аттическая база и коринфская капитель.

Материалы храмового комплекса указывают на то, что если в архитектуре эллинистические традиции воспринимаются отчетливо, то в религии прочными оказались местные традиции. Обнаруженные жертвенники, специальные алтари огня — один общий храмовый и большое количество комнатных, — семейных, указывающих на большую роль огня в той религии, а огонь имел большое место в зороастрийской религии и можно отметить, что Саксанохурский храм является зороастрийским.

О преобладании местных традиции в религиозных представлениях населения северной Бактрии вообще и жителей Саксанохура в частности свидетельствуют короластика и погребальный обряд.

Господствующим в короластике Саксанохура является образ женщины в местной одежде, держащей у груди зеркало двумя руками. И манера и техника исполнения сугубо местные, местным является и сам изображаемый образ. Это женское божество, относящееся к кругу солнечных божеств, атрибутом которого является зеркало, олицетворяющее собой солнечный диск.

Это может быть Митра или его проблематичный женский ипостас, или скорее всего женское божество круга Митры.

Есть в том же греко-бактрийском слое другой женский коропластический образ, атрибутом которого является не зеркало, а бокал и инвеститурное кольцо, но одежда на ней греческая. Это складчатый хитон греческого покроя. Но этот тип терракот изображает местное среднеазиатско-иранское божество Анахиту. Для первой и второй групп терракот характерна фронтальность, схематичность и условно плоскостной стиль изображения, т.е. отсутствует греческий реализм, но их отличает одежда. На первой группе статуэток имеется местная одежда, а на второй — греческая. Это результат какого-то сочетания элементов местной культуры и религии с эллинистической культурой и религией. Это произошло с образом божества Анахиты, которая своими функциями близко стояла к некоторым греческим божествам: Деметре, Афине, Афродите, Артемиде. Она одета в их одежды, сохранив при этом сугубо ей принадлежащие атрибуты. В дальнейшем в кушанский период происходит слияние этих обоих образов божества с зеркалом с Анахитой. Атрибутом последней становится зеркало, но на этих статуэтках только складки одежды напоминают то, что они имитируют греческую одежду. Это говорит о том, что идеи греческой религии оказали кратковременное влияние на народные культы, а эллинистическая иконография на образы ранних саксанохурских терракот. В кушанский период возрождаются многие женские образы, о чем говорит большое количество их терракотовых изображений.

Это же слабое влияние эллинистических начал можно выявить в материалах некрополя Саксанохура, носящего название могильник Иттифак. Могильник разновременный: выявлено 6 категорий погребений, которые отчетливо выделяются по погребальному обряду. Наиболее ранние могилы относятся к греко-бактрийскому времени. Обряд — трупоположение в прямоугольных ямах или кирпичных ящиках, а также в сосудах, хумах, корчагах. Сопровождающий материал — керамика, украшения. В этих погребениях нет оружия. В сосудных захоронениях не все кости захоронены, часто отдельные части тела, что сближает этот обряд с зороастрийским погребальным обрядом.

Возможно два вида погребений — могилы в кирпичных ящиках и с монетой имеют связь с эллинистическими традициями. Но только в одном погребении была обнаружена монета — обол Герая, во рту погребенного. Это свидетельствует о наличии в

погребальном обряде эллинских элементов.

Таким образом можно отметить, что в материалах Саксанохура местные и эллинистические традиции отмечаются точно. На это указывает и тот факт, что в греко-бактрийский период уже, не говоря о кушанском времени, местные традиции были сильными и преобладающими, но проникли и существовали эллинские традиции также. Этот же процесс слияния местных и эллинских традиций протекал успешнее там, где они находили линии соприкосновения в своих содержаниях, которые требовали возникновения соответствующих общих форм.

Х.А.МУШЕГЯН

(Ереван)

К ИЗУЧЕНИЮ СОСТАВА ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ АНТИЧНОЙ АРМЕНИИ

Античные монеты классической категории в Армении чрезвычайно редки и судить об их обращении не представляется возможным. С конца IV в. наблюдается установление в Армении аттической денежно-весовой системы. Заметное распространение в стране имели драхмы и тетрадрахмы Александра Македонского, а также Филиппа III Арридея. Эти материалы дают основание полагать, что эра обращения эллинистических монет в Армении началась при царствовании династии Ервандидов. По местам чеканки найденных в Армении македонских монет отмечаются связи армянских городов с экономическими центрами Месопотамии и Малой Азии. В начале второй половины III в. до н.э. в связи с образованием армянского царства Софены в обращение поступали монеты местного выпуска с греческими надписями имен армянских царей. За исключением царских портретов, отражающих внутренние особенности, монеты Софены представляют характерные данные для типологии монет эпохи эллинизма. С конца III в. до н.э. в составе денежного обращения Армении наблюдается прилив селевкидских монет, выпущенных в городах Сирии. Селевкидские монеты безраздельно господствовали в денежном хозяйстве Армении до появления армянских монет Династии Арташесидов. Почти все представители царского дома Арташесидов выпускали свои монеты и, как правило, с греческими надписями. Монеты Арташесидов выпускались по принципам аттической весовой системы, имеющей основополагающее значение на мировом рынке эпохи эллинизма. Однако, за исключением

монет Тиграна Великого /95-55/, почти все армянские монеты эллинистической категории имели ограниченную сферу обращения. Только монеты Тиграна Великого нашли широкое распространение.

В составе денежного обращения античной Армении значительное место занимали также парфянские и каппадокийские монеты II-I вв. до н.э. Кроме монет аттической весовой системы в позднеэллинистическое время широкое распространение в Армении получили также римские серебряные монеты республиканского выпуска. Как эллинистические, так и римские монеты обращались вместе и одновременно обслуживали потребности торговли армянских городов до начала I в. Однако, уже к этому времени происходило возобновление денежного обращения. На смену старой аттической денежной системе пришла новая - римская денежно-весовая система эпохи империи. Основной единицей стала серебряная монета с законным весом 3,90 гр.

При последних Арташесидях в армянских городах заметное распространение получили римские серебряные монеты с изображением Августа и его двух сыновей - Гая и Люция цезарей. Для нужд торговли Римская империя выпускала подобные монеты не только в Европе, но и в Азии. В Армении в 4-6 гг. выпускались серебряные монеты с портретами Августа и его ставленника - царя Артавазда IV, после смерти которого около 6 г. здесь же выпускались монеты с портретами Августа и последнего армянского царя из династии Арташесидов - Тиграна Пятого. Вполне вероятно, что одной из стран на Востоке для выпуска римских динариев /2 г. до н.э. - 2 г. н.э./ с изображениями Августа и Гая и Люция цезарей была Армения.

С явным преобладанием римских монет общеимперского типа развивалось денежное обращение Армении и во втором веке. В дальнейшем, в связи с ухудшением качества серебряных римских монет, поступление новых динариев резко уменьшилось. Во внутренней и внешней торговле принимались высококачественные серебряные монеты, каковыми были римские динарии I-II вв.

С тридцатых годов III в. наблюдается постепенное изменение состава денежного обращения Армении, внешняя и внутренняя торговля которой уже к этому времени развивались в сфере иранской торговли. Об основных данных состава денежного обращения Армении сасанидской эпохи следует сообщить отдельно.

О.В. НЕВЕРОВ
(Ленинград)

БРОНЗОВЫЙ ПЕРСТЕНЬ С ПОРТРЕТОМ АРМЯНСКОГО ЦАРЯ ИЗ ФАНАГОРИИ

Бронзовый перстень, найденный в 1950 г. в некрополе Фанагории в женском погребении рубежа I в. до н.э. — I в. имеет на щитке портретный бюст мужчины в высоком головном уборе. В этом характерном головном уборе, несмотря на некоторую разрушенность деталей окислами, можно отметить все основные элементы парадной тиары армянских царей: высокую цилиндрическую часть тиары увенчивают пять зубцов, задняя ее бранша ниспадает на шею, передняя же поднята и завязана на лбу. Греческая диадема дополняет восточный головной убор царя. Все эти элементы можно видеть на монетах Тиграна Великого и его сына Артавазда II. Судя по таким устойчивым типологическим элементам портрета, как поднятая передняя бранша тиары, открытое ухо, узкая задняя бранша, сливающаяся с концами диадемы, на фанаторийском перстне изображен именно Артавазд II.

Объяснение неожиданной, на первый взгляд, находке изображения чужеземного династа в азиатской столице Боспорского царства находится в традициях клиентелы и родства. В эпиграфических источниках упоминается переселение армян в Северное Причерноморье в эпоху митридатовских войн /

Династические браки связывали армянских царей I в. до н.э. с властителями Боспора; дочь Митридата VI была женой Тиграна II. Именно в среде представителей митридатовской династии на Боспоре могли циркулировать подобные произведения портретной глиптики. Фанаторийский перстень — первое изображение Артавазда II в глиптике и вообще единственный на сегодняшний день известный нам портрет армянского царя, помимо нумизматики, если не считать гранатовой геммы в Париже, на которой Э.Баблен видел портрет парфянской царицы Музы, а академик Б.Н.Аракелян — армянской царицы Эрато, соправительницы Тиграна IV.

Н.Н. НЕГМАТОВ
(Душанбе)

ОБ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ В КУЛЬТУРЕ УСТРУШАНО- ХОДЖЕНТСКО-ЗАПАДНОФЕРГАНСКОГО РЕГИОНА СРЕДНЕЙ АЗИИ

Если раньше в археологии Средней Азии проблемы изучения

эллинистического компонента в античной культуре опирались почти исключительно на материалы Парфии, Бактрии и прилегающих к ним районов (Г.А.Путаченкова, Г.А.Кошеленко и др.) и лишь делались отдельные прогнозы о возможных контактах с более северными областями, то в настоящее время последние вырисовываются в более определенных формах и на основе конкретных, вновь добытых материалов.

В этом плане небезинтересным оказался ходжентско-уструшанско-западноферганский регион сырдарьинского бассейна Средней Азии, подвергшийся ненадолго греко-македонской оккупации и селевкидскому владычеству. Весьма кратковременное вхождение этого региона в политическую, экономическую и культурную орбиту империй Александра Македонского и Селевкидов, последующие контакты с более эллинизированными собственно среднеазиатско-средневосточными царствами — Парфией и Бактрией, как показывают новые материалы, оставили ощутимый след в археологической культуре рассматриваемого региона.

Прежде всего, довольно четко это прослеживается в керамике ведущего в этот период центра региона — Ходжента (см. Т.В.Беляева "Об эллинистических элементах в керамике Ходжента").

Другой район таких контактных скрещений находился в Северной Уструшане, где ранее были изучены три памятника первых веков н.э. — городище Мунчактэпа, Ширинсайский и Восточный могильники (раскопки В.Ф.Гайдукевича), а в последние годы выявляется большой античный и раннесредневековый городской центр Куркат (Городище Ширин I, II, III) со сложной и разработанной системой архитектурных, фортификационных (рельефно-крепостных укреплений) и погребально-мемориальных (уникальных скальных склепов, оссуарно-хумных и грунтовых могильников) комплексов и богатейшими предметами прикладных искусств (раскопки А.К.Мирбабаева). Из указанных памятников происходит значительная серия великолепных предметов материальной культуры, несущих на себе прямое или косвенное влияние эллинистической и пост-эллинистической культуры. Часть этих материалов была уже изложена нами в докладе на XIV Международной конференции "Эйрене" в 1976 г. в г.Бреване (см. тезисы конференции).

Третий район, куда контакты с Западом шли уже через Ходжент и Северную Уструшану, пока отмечен отдельными находками памятников Северо-Западной Ферганы, точнее Ашта (раскопки Б.Д.Салтовской). Здесь изучены два памятника оседлой культуры с земледельческим, скотоводческим и ремесленным укладом

хозяйства жителей – поселения Тудай Хурд (II в. до н.э. – II в. н.э.) и Тудай Калон (III–IV вв. н.э.). Некоторые элементы крепостной фортификации Тудай Калон (яруса стреловидных бойниц, закрытый тип башен прямоугольного плана) сближаются с отдельными позднепарфянскими крепостями южной Туркмении, к средневосточному же миру ведут зооморфные сюжеты оттисков штампов на фрагментах сосудов (грифон, шествующие львы, бегущие лани), широкие аналогии в сопредельных областях Средней Азии и на Кавказе имеет коллекция стеклянных и пастовых бус. Особенно показательными являются уникальные резные изделия из слоновой кости, в том числе, костяная пластина с изображением повернутых вполоборота друг к другу парящих богинь Победы Ник–Викторий с венком в руках – мотив широко известный в искусстве Среднего и Ближнего Востока и пришедший из классического древнегреческого и древнеримского искусства.

Накопленный материал, как нам представляется, позволяет утверждать о вхождении уструшано–ходжентско–западноферганского региона сырдарьинского бассейна Средней Азии в сферу эллинистических и пост-эллинистических влияний, однако, разумеется, при наличии доминирующих местных культурных традиций.

Н.М.НИКУЛИНА
(Москва)

О ПРОБЛЕМАХ ИСКУССТВА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

1. По сложности своей проблематики эллинистический период может быть определен как один из самых сложных не только для самой греческой культуры и искусства, но и для культуры и искусства государств Востока, входивших в состав эллинистического мира.

Огромная широта территориального охвата определила многообразие и разнородность развившихся форм и направлений, художественных традиций и школ. Новые эстетические идеалы, рожденные новой идеологией эллинистического общества, обусловили сложность и внутреннюю противоречивость образной системы этого искусства.

2. Понятия "греческий эллинизм" и "эллинизм восточный", по-видимому, должны рассматриваться не только во взаимо-

связи и взаимодействии, но и в хронологическом развитии, менявшем и характер этих взаимосвязей, и результаты взаимодействия.

3. Существующая периодизация (деление эллинистического периода на ранне-эллинистический, средне-эллинистический и поздне-эллинистический: 20-е гг. IV-I пол. III в. до н.э.; 2 пол. III в. до н.э. - I пол. II в. до н.э.; 2 пол. II-I в. до н.э.) не используется достаточно полно ни в связи с греческим, ни в связи с восточным эллинистическим искусством. А художественный стиль всего этого искусства в целом, и искусства отдельных его территорий проходит именно эти стадии развития, что хорошо показывает рассмотрение разнообразного художественного материала.

4. Ранне- и поздне-эллинистические периоды имеют более определенную специфику и отражение в области художественной культуры. Судьба традиций классического греческого и местного восточного искусства в эти периоды решается более конкретно и открыто.

Средне-эллинистический период имеет не меньшее значение, но большую сложность проблематики в силу глубокой своей противоречивости.

5. Эллинистические традиции в культуре и искусстве римского периода сохраняются и развиваются на территориях бывших эллинистических государств в интересных, но еще более компромиссных формах.

О.В. ОБЕЛЪЧЕНКО
(Москва)

ЭЛЛИНИЗМ И КОЧЕВНИКИ СОГДА

Вопросы влияния эллинистической культуры на кочевые народы Средней Азии в древности являются актуальными для среднеазиатской археологии. Существует мнение о том, что "кочевой мир" среднеазиатских степей остался вне влияния эллинистической культуры, которая имела распространение в городах и селениях древних земледельцев. Интересные материалы о влиянии эллинистической культуры и ее проникновении в кочевническую среду дают раскопки курганов в долине Зерафшана, в древней культурной области - Согде, который Авеста называет блистательным, сверкающим, озаренным огнем.

В полосе степей, окаймляющих земледельческие оазисы Самарканда и Бухары, исследовано более двухсот курганов от УПв. до н.э. по УП в. н.э., причем среди них превалируют курганы эпохи античности. Влияние эллинистической культуры прослеживается по материалам курганов кочевников, начиная со II в. до н.э. Это хорошо видно по наличию большого количества кенотафов в могильниках, среди курганов со II в. до н.э. и вплоть до V в. н.э. В более раннее время их в Согде нет. Кенотафы, как погребальные сооружения, зародившиеся в древней Греции, в могильниках Согды имеют разнообразные виды. Самым простейшим кенотафом является курганная насыпь над былой дневной поверхностью и не содержащая никакого инвентаря под ней. Имеются в могильниках Согды кенотафы, содержащие под насыпью инвентарь или же небольшие катакомбы, в которых инвентарь отсутствовал. Есть катакомбы и грунтовые могилы с инвентарем. Аналогичные кенотафы имеются во многих курганных могильниках других районов Средней Азии. Есть даже целый могильник — Ниязбатырский в древней Фергане, состоящий из одних кенотафов. Реминесценцией этого древнейшего эллинского обычая соорудить "пустые могилы" является туркменская ювзха — земляная насыпь в память о покойнике.

Эллинские традиции нашли отражение и в погребальном обряде древних кочевников Согды. В курганах № 12 и № 14 Кызылтепинского могильника найдены монеты — раннее подражание чекану Евтидема /I в. до н.э./ и монета Гелиокла /II в. до н.э./, а в кургане № 1 Сазаганского могильника найдена монета согдийского правителя Аштама, чеканенная в IV в.н.э. Все эти монеты были найдены около черепа скелета, из-за нарушения анатомического порядка костяков в погребении, что позволяет включить Согд в ареал греческого обычая "выкупа Харону", перевозчику душ в потусторонний мир. Этот греческий обычай имел распространение и в других районах Средней Азии и Казахстана на протяжении длительного времени, о чем можно судить по находке во рту скелета серебряной монеты XIV в. в погребении культуры Тасмола IV в Центральном Казахстане. Первым из исследователей Средней Азии на этот греческий обычай обратил внимание М.М.Дьяконов, который при раскопках могильника Туп-хона в Таджикистане нашел во рту скелетов оболы, подражающие чекану Евкратида.

Особенно ярко влияние эллинистической культуры проявилось в керамике, найденной в курганах II в. до н.э. — I в. н.э.

В курганах Лявандакского и Шахривайронского могильников под Бухарой были найдены кувшины с ручками, у которых венчики имели профилировку, типичную для ионийских амфор из Ольвии и аттических амфор II в. до н.э. из раскопок Томпсона в Афинах. Весьма важным фактом является то, что вся керамика из погребений, в том числе и упомянутые кувшины, местного изготовления, т.е. бухарского, и не менее интересно то, что нигде больше в древней керамике Средней Азии подобной профилировки венчиков у кувшинов или горшков нет.

В идеологических представлениях кочевников Согда определенное место занимали эллинские божества. О культе богини Артемиды — покровительницы животных и охоты и богини Победы — Ники можно судить по находкам в женском погребении Лявандакского могильника и кургана № 7 Кызылтепинского могильника. На золотом брактеате из Лявандакского могильника было горельефное изображение женской головы в обрамлении перлов, поражающее своим сходством с изображением лица богини-охотницы на серебряном медальоне, найденном в 1886 г. в Тобольской губернии. К.В.Тревер считала, что прототипом изображения на серебряном медальоне был образ Артемиды-Дианы, который сложился на основе не дошедших до нас статуй, созданных греческими художниками. Следует особо отметить, что золотой брактеат был найден в погребении женщины, которая вполне вероятно, отправляла жреческие функции и поэтому находка такого рода имеет особое значение.

В кургане № 7 Кызылтепинского могильника был найден бронзовый перстень со стеклянной геммой, на которой было изображение обнаженной богини Победы — Ники с венком в руке и большими птичьими крыльями за спиной. Следует отметить, что изображение обнаженной Ники очень редко, так в каталоге А.Фуртвенглера имеется одна гемма, на которой у обнаженной Ники левую согнутую ногу покрывает упавший хитон.

Из украшений, найденных в Агалксайском могильнике, типично эллинским является золотая нашивная бляшка в виде меандра, орнамента, широко распространенного в древнегреческом искусстве.

Подводя итоги можно утверждать, что влияние эллинистической культуры проникло не только в среду кочевников Согда, но и нашло отражение в культуре кочевников Средней Азии. Художественная культура кочевников не ограничивалась рамками "скифского звериного стиля", а на нее оказала свое влияние античная художественная традиция и эллинистическая культура в целом.

ОБ ИСТОЧНИКАХ МЕДИ ДЛЯ ГРЕЧЕСКИХ ГОРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

1. В связи с изучением металлообрабатывающего ремесла в античных городах Северо-Западного Причерноморья исключительно важным представляется вопрос об источниках меди для греческих бронзолитейщиков. В работах прошлых лет при решении этого вопроса исследователи называли все близлежащие медно-рудные проявления и даже предполагались разработки медной руды греческими мастерами в Криворожском бассейне, где на самом деле меди нет. Кроме того предполагался ввоз меди в Северное Причерноморье из Карпато-Дунайского бассейна, а также из Малой Азии и, собственно, Греции.

2. По иному вопрос о сырьевой базе греческих бронзолитейщиков решается с применением количественного спектрального анализа. Хотя и в этом случае не исчезают некоторые сложности, обусловленные невозможностью подвергнуть анализу руды греческих, малоазиатских и прочих рудников. Кроме того, естественный уклад, в который пришла обработка цветных металлов в скифское время, привел к смешанию металла из различных рудных источников, что коренным образом меняло первоначальную картину химического состава используемого металла. Тем не менее, кое-какие существенные выводы сделать можно.

3. В лаборатории спектрального анализа Института археологии АН СССР были проанализированы коллекции медных и бронзовых изделий из раскопок Березани, Ольвии, маторлынского поселения, Херсонеса, Тири. Результаты исследования показали, что греческие мастера пользовались в основном высокооловянными и оловянно-свинцовыми бронзами. В конце I тыс. до н.э. появляются новые типы сплавов — латуни и многокомпонентные сплавы.

4. Сравнение химического состава античных бронз и геохимического состава руд из некоторых месторождений позволяет исключить возможность использования греками металла из Донецкого бассейна и Странджанской группы рудопоявлений в Болгарии. Представляется реальной возможность доставки меди с Врачанского месторождения в Болгарии, а также с месторождения Западные Горы и Банат в Карпатах, которые носят поли-

металлический характер и богаты различными примесями.

5. Использование греческими торевтами некоторых сюжетов малоазиатского искусства, а также наличие торговых связей с малоазиатскими центрами позволяют предполагать возможность доставки медных слитков из Малой Азии. Также вполне реально, что какая-то часть меди доставлялась непосредственно из Греции.

6. Данные выводы носят предварительный характер и не претендуют на исчерпывающую полноту. Дальнейшие исследования металла северопричерноморских колоний и медных руд из различных месторождений позволят значительно углубить и конкретизировать приведенные здесь предположения.

Н. А. ОНАЙКО

(Москва)

ВОСТОЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В БОСПОРСКОЙ ТОРЕВТИКЕ

1. Национальной гордостью крупных музеев нашей страны являются многочисленные коллекции сокровищ из богатых скифских и скифо-меотских курганов Северного Причерноморья, главным образом V и IV вв. до н.э.

2. Основными центрами производства этих сокровищ в это время были греческие города и особенно Боспор. Его мастера изготавливали обивки ножен мечей и горитов, посуду, различные украшения. Все эти изделия, даже однотипные, выполнены в различной манере, что дает повод исследователям говорить о различных художественных направлениях в боспорской торевтике.

3. Одним из таких направлений было восточное "в той его разновидности, которая носит название греко-персидской". На примере ряда наиболее ярких образцов боспорской торевтики мы постараемся показать своеобразие и значение этого круга вещей для изучения вопросов взаимодействия и взаимовлияний различных культур в районах северной окраины античного мира.

МОРСКОЕ ДЕЛО ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

В эллинистическую эпоху (323–30 гг. до н.э.) происходит возникновение новых обширных государств, возрастают вооруженные силы, морской флот достигает огромных по тем временам масштабов, увеличивается объем морской торговли, расширяется географический кругозор. Между новыми государствами происходит усиленная борьба за обладание и господство на морских путях. В эллинистическую эпоху наука и техника получают широкое развитие, что опосредствует расцвету судостроения, новый этап которого ознаменовался строительством крупных кораблей с весельным двигателем. Постоянно усовершенствуется снаряжение и боевая мощь судов, улучшается их отделка и качество производимых работ, но каких-либо нововведений принципиального характера в судостроении не происходит.

Важной проблемой в исследовании морского дела в Древней Греции в эллинистическое время является выявление его развития. Источниками по этому периоду являются сообщения древних авторов и изображение судов этого времени на монетах, рельефах, фресках, сосудах и мозаиках. В основу предложенной нами классификации положен хронологическо-типологический принцип – изображения судов эллинистического периода помещены в хронологическом порядке снизу вверх по шкале времени. Основываясь на конструктивных особенностях изображений судов рассматриваемого периода, можно выделить два основных типа кораблей, обусловленных их конструкцией и назначением: I тип, суда с тараном – военные и II тип – суда без тарана – торговые.

I тип судов с таранами представлен триерами, получившими распространение в классический период. Первые триеры – суда с тремя рядами весел были построены в VIII в. до н.э. в Коринфе (Фукидид, I, 132–3). Широкое распространение в это время получает корабль с пятью рядами весел – пентера. Пентеры и тетреры – корабли с четырьмя рядами весел, появляются в IV в. до н.э. (Диодор, XIV, 413) и существуют всю эллинистическую эпоху. Со временем появляются корабли с мно-

гими рядами весел — полиеры, корабли с шестью рядами весел — гексеры, семью — гептеры и т.д. В 301 г. до н.э. строится трискайдекера с тринадцатью рядами весел. Деметрий I (306–283 гг. до н.э.) строит пентакайдекеры корабль с 15 рядами весел и геккайдекеры с 16 рядами (Плутарх, Деметрий, 43). Гиерон Сиракузский (269–215 гг. до н.э.) построил икосеру — корабль с двадцатью рядами весел (Афиней, 206–209), а при Птолемею IV (220–204 гг. до н.э.) строится тессараконтера — корабль с сорока рядами весел, длиной корпуса до 125 м и высотой до 22 м. Гребцов на нем было четыре тысячи человек, четыреста матросов и три тысячи воинов (Афиней, 203–204; Плутарх, Деметрий, 43). Наряду с крупными кораблями существовали средние и мелкие военные суда.

Интересно, что в морском судостроении в технических средствах отражался характер общественно-экономической формации. Типичные корабли рабовладельческого общества несут в своей конструкции и эксплуатационных особенностях основные черты этой эпохи. Рабовладельческое общество эллинистического времени, наряду с широко распространенными судами, создало самые крупные из существовавших когда-либо кораблей с весельным двигателем.

В.Н.ПИЛИПКО
(Ашхабад)

СЕВЕРНАЯ ПАРФИЯ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

1. В определении сущности эллинизма и его хронологических рамок до сих пор нет единства. Наиболее общим является определение эллинизма как явления, характеризующегося активным взаимодействием греческих и местных начал в период с конца IV в. до н.э. до начала нашего летоисчисления.

2. Для Северной Парфии, под которой понимаются области подгорной полосы Копетдага, в процессе взаимодействия местной и греческой культур можно выделить два этапа:

а) период вхождения в состав империи Александра Македонского и Селевкидского государства;

б) период самостоятельного политического развития.

3. Для первого этапа круг источников очень ограничен. В этот период Парфия, находившаяся на окраине греко-македонских владений, вероятно, не являлась объектом активной греческой колонизации. Раскопки сельских поселений этого пери-

ода не выявили следов активного влияния эллинской культуры.

4. Второй период, начавшийся с провозглашения независимого Парфянского государства, характеризуется добровольным заимствованием и переработкой элементов греческой культуры и социально-политических институтов. Наиболее ярким памятником этого периода является Старая Ниса — Митридатокерт. Однако мнение о значительной степени эллинизации Северной Парфии следует считать преувеличенным.

И.Р.ЛИЧИКЯН

(Москва)

ЭЛЛИНСКОЕ В ГЕНЕЗИСЕ ГРЕКО-БАКТРИЙСКОГО ИСКУССТВА

В архаический период между ахеменидской сатрапией Бактрией и Ионией осуществлялись двусторонние контакты, правда эпизодические и разнохарактерные. Из Ионии в далекую Бактрию и Согдиану Ксеркс и Дарий, проводя политику "перемещенных контингентов", переселяли греческих изгнанников. В свою очередь бактрийские конники, участвуя в походах Ахеменидов, прошли по эллинским городам Малой Азии и Материковой Греции. Для Бактрии программным было имперское искусство Персеполя и Сард, а не отдельные островки эллинской культуры, затерянные в пустынях Средней Азии и Афганистана.

Импортные и трофейные произведения греческого искусства, а также вошедшие составным компонентом в имперский стиль эллинское искусство прямо и опосредствовано влияли на культуру Бактрии, о чем может свидетельствовать и найденный в верховье реки Амударьинский клад. До настоящего времени клад — основной источник для истории Бактрийского искусства и для исследования соответствий эллинского и иранского в Бактрии предэллинистического периода, хотя и место и время сложения клада остро дискуссионны.

Основным толчком эллинизации искусства Бактрии на протяжении двух столетий после 329 г. до н.э. был непосредственный и временами насильственный перенос эллинских традиций в процессе основания новых эллинских городов, расселения греческих и македонских переселенцев, установления новых государственных институтов, сооружения военных, гражданских и общественных зданий. О Бактрии эллинистического времени можно говорить предметно, опираясь на открытия в Ай-Ханум,

Саксанохуре и Тахти-Сангине античные памятники архитектуры, эпиграфики, произведения искусства и материальной культуры, а также благодаря письменным источникам: Арриану, Квинту Курцию Руфу, Полибию и другим авторам.

Взаимоотношения Бактрии с греческими Средиземноморскими городами во время вхождения Бактрии в государство Селевкидов, а затем и в период самостоятельного Греко-Бактрийского государства были широкими и регулярными. Посредническая торговля золотом и слоновой костью способствовала расцвету ювелирного и костерезного ремесла на юге современной Средней Азии. Торговля произведениями ювелирного искусства в свою очередь играла роль культурного обмена, где эллинские изделия находили широкий спрос благодаря высоким эстетическим достоинствам.

Образование архитектурного и художественного восточно-эллинистического койне на гигантской территории способствовало развитию изобразительного искусства и расцвету местных локальных школ, где этнические, религиозные и культурные компоненты греков и бактрийцев слились в единый неповторимый греко-бактрийский феномен. Общеизвестными шедеврами малой пластики и портретного искусства служат монеты греко-бактрийского чекана. Изваяния, открытые на юге Таджикистана /Тахти-Сангин 1979 г./, в эллинских традициях глиняной и алебастровой скульптуры говорят о безусловно местном изобразительном искусстве, которое получило последующее развитие в кушанский и раннесредневековый периоды этого региона.

Сосуществование в одном пантеоне греческих, зороастрийских и древних местных божеств говорят не только о веротерпимости, но и о симбиозе восточных и античных религиозных представлений в Греко-Бактрии эллинистической эпохи.

Г.А.ПУГАЧЕНКОВА
(Ташкент)

ЧЕРТЫ ЭЛЛИНИЗМА В ИСКУССТВЕ СРЕДНЕАЗИАТСКО-ПЕНДЖАБСКОГО РЕГИОНА

I. В древнем искусстве народов, населявших территории Средней Азии, Афганистана, Пакистана, северо-западной Индии, в той или иной мере запечатлена роль эллинизма, но не столько в прямых художественных заимствованиях, сколько в проявлении и выражении новыми образными средствами новых, по сравнению

с предшествующим временем, общественных идей.

2. Завоевания Александром и Селевкидами значительной части этого региона, основание греческих колоний, установление широких торговых связей на нитях Великого Шелкового пути, возникновение в середине III в. до н.э. филаллинистствовавших государств — Греко-Бактрийского и Аршакидского — все это способствовало установлению творческих контактов с культурой эллинизма, а позднее его восточно-римских вариантов.

3. Локальное начало в разных областях региона было и оставалось наиболее стойким в архитектуре. Даже в южно-бактрийском городе греков Ай-Ханум ряд зданий (особенно жилых) имел местную старобактрийскую основу. Вообще же зодчие Бактрии, восточной Парфии, Индии, Согда, Хорезма в применении строительных материалов, конструктивных методов, объемно-пространственных композиций придерживались собственных архитектурных традиций. Восприятие эллинизма исчерпывалось (притом не везде) заимствованием деталей классических ордеров — таких, как коринфизированные капители, аттические базы, метопы, антефиксы, претерпевавшие при этом заметные видоизменения в пропорциях и в трактовке декоробразующих элементов (Ниса, Халчаян, Дильверзин-тепе, Дильберджин, Сурх-Котал, Хадда, Таксила, Буткара и др.).

4. В сфере изобразительного искусства восприятие эллинизма захватило в основном парфянский-бактрийский-индийский пояс, едва затронув более северные области. Этот процесс предстает в разных формах: а) появление произведений эллинистического искусства — привозных или же выполненных на местах мастерами греческой выучки (Ай-Ханум, Ниса, позднее — Беграм); б) критическое освоение и преломление достижений эллинистической культуры на местной идейно-обзорной основе (Ниса, Халчаян, Хадда, Гандхара); в) торжество азиатского начала, не отринувшего, но растворившего в себе эллинистический элемент (кушанский мир — Дильверзин-тепе, Дильберджин, Сурх-Котал, Хадда, буддийские комплексы Гандхары, Матхура).

5. В эволюции эллинистических воздействий на искусство отмечается: а) появление образов греческого пантеона, как воплощения эстетических идеалов эллинизма; б) процесс локального видоизменения этих образов (Афина, Геракл, Ника в скульптуре Халчаяна, "Лагорская Афина", "аморини", "атланты" в скульптуре Гандхары); в) растворение греческого идеала при создании иконографии местных божеств и мифологических пер-

сонажей (Будды, бодисатвы, дэваты в Гандхаре, Геракл-Шива на кушанских монетах и в скульптуре); г) заимствование иконографически разработанных образов эллинизма, в которые вкладывается местное содержание (Панчика-Кувера и Харити в Гандхаре, процессии детей-гирляндоносцев в Гандхаре и Бактрии, богиня, венчающая победителя в скульптуре Халчаяна и Топраккалы, на парфянских печатях из Нисы, монетах Аршакидов и кушанца Герая).

6. Роль римских влияний, которые, по мнению ряда исследователей, определили многое в стилистике Гандхарской школы, явно преувеличена. Черты общности некоторых пластических образов гандхарского и римского ваяния — результат конвергенции, вызванной тем, что как римская, так и гандхарская скульптура имели одним из истоков своего формирования эллинизм, что и определило эту общность. Но там и здесь развитие этого вида искусства пошло по своему руслу, обусловленному причинами этнического, социального и идейного порядка.

7. С эллинизмом в искусстве среднеазиатско-пенджабского региона появляется интерес к человеческой личности. Отсюда — новые по отношению к предшествующему периоду стилевые черты: а) экспрессивность, как выражение характера или состояния персонажа, либо драматизма событий; б) портрет как отражение индивидуального "я" через лицевую маску; в) народный элемент в сюжетах и образах (например в передаче театрализованных действий, в сказаниях на темы джатак и житий Будды Гаутамы). Эти черты, но уже не напрямую от эллинизма, а через бактрийско-парфянский фильтр, входят и в стилистику искусства Хорезма, Согда, Восточного Туркестана.

8. Эллинизм подспудными токами тлел, а иногда и прорывался в среднеазиатско-пенджабском регионе еще в раннем средневековье, подобно тому, как не угасал он и в искусстве Византии, приспособившем художественные открытия эллинизма к новой идейной концепции.

М.М. РАСУЛОВА
(Баку)

О ВЛИЯНИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА КАВКАЗСКУЮ АЛБАНИЮ

Кавказская Албания, находясь на окраине эллинистического

мира, тесно связанная с областями Закавказья, была вовлечена в сферу экономической, политической и культурной жизни эллинистического Востока.

Проявление влияния эллинистической культуры в памятниках Кавказской Албании отмечалось в целом ряде исследований В.Н.Левиатов, С.М.Казиев, Д.А.Халилов, Г.А.Тирацян, Т.И.Голубкина, И.А.Бабаве и др./. Однако настоящая тема еще не была предметом специального исследования.

Существенные черты эллинизма проявляются в памятниках Албании /IV—I вв. до н.э./, а также первых веков нашей эры.

Скрещивание местных и эллинистических традиций нашло отражение во многих областях материальной культуры Кавказской Албании.

Эллинистические традиции нашли проявление в принципах и особенностях градостроительства, архитектуре, монетном деле, изготовлении и употреблении печатей, в гончарном ремесле, стекольном производстве, торевтике и т.п.

Синкретизм в области религии, присущий эллинизму, проявился в форме сопоставления и отождествления местных и греческих божеств, религиозно-магические представления, известные в странах эллинистического Востока, проникли в быт населения Албании.

В целом же влияние эллинистической цивилизации на развитие Кавказской Албании в наибольшей мере сказалось в сфере экономики и отчасти технологии, несколько меньше в области культуры и тем более идеологии, религии и пр.

И.И.САВЕРКИНА
(Ленинград)

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В СКУЛЬПТУРЕ РИМСКОЙ СИРИИ

В Сирии парфянского периода (I—III вв. н.э.) известно несколько центров, скульптура которых отличалась чертами своеобразия и высокого художественного мастерства. Это Пальмира, Дура Европос, Хатра и юг страны — Хауран. Эллинистические влияния в продукции мастерских этих центров проявлялись по-разному и в разной степени. В Пальмире эллинистические мотивы преобладают в скульптурном декоре архитектурных сооружений и особенно сильно проявились в создании, впервые на Востоке, светского портрета.

С Пальмирой была тесно связана Дуре Европос, где жили пальмирские торговцы и солдаты, составлявшие заметную часть ее гарнизона. По сравнению с живописью, скульптура играла в Дуре второстепенную роль. Но те немногочисленные рельефы и скульптуры, которые происходят из храмов и частных домов, композиционно и стилистически близки пальмирским и, таким образом, опосредованно эллинизованы.

В Хатре античное влияние, не затронув архитектуру, проявилось преимущественно в скульптуре. Однако, несмотря на большое количество найденных там статуй, лишь немногие из них могут сравниться по качеству исполнения с произведениями Пальмиры или Дур.

Хауран в эту эпоху переживает расцвет, застраиваются города, украшаются произведениями скульптуры из местного материала — черного базальта. Античная мифология широко используется в иконографии местных сирийских богов, эллинистические мотивы — в дионисийских сюжетах на рельефах.

Эллинистическое влияние обогащает местное искусство новыми сюжетами, жанрами, пробуждает интерес к человеку, его индивидуальности. Но нигде не заглушает местных традиций, благодаря которым сирийское искусство сохраняет свое неповторимое своеобразие.

А.А.САИЯН
(Бреван)

ЗНАЧЕНИЕ АРХИТЕКТУРНЫХ СООРУЖЕНИЙ КРЕПОСТИ ГАРНИ В ДЕЛЕ ФОРМИРОВАНИЯ АРМЯНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ РАННЕХРИСТИАНСКОГО ВРЕМЕНИ (IV—V вв.)

В древнеармянской крепости Гарни сохранились архитектурные сооружения античного времени, характерные черты которых имели немаловажное значение для формирования раннехристианской архитектуры Армении IV—V вв.

I. Значение объемно-пространственных, композиционных особенностей гарнийского храма I в., его отдельных архитектурных форм, конструктивных приемов и способов строительства.

а) Сооружение — с прямоугольным планом и сводчатым перекрытием — строительный принцип, лежащий, по всей вероятности, в основе казахской базилики.

б) Каменная стена с использованием известкового раствора.

в) Каменный свод.

г) Известковый и черепичный настил на каменной сводчатой крыше.

д) Фронтон.

е) Строительный способ разгрузки архитравных перемычек дверных проемов.

ж) Модульная система, и на основе этой системы созданная объемно-пространственная композиция сооружения.

з) Колонна — отдельно стоящая, трехчетвертная или полуколонна.

и) Части колонн (база, фуст, капитель) скрепленными железными скобами.

к) Общая композиция ионической капители: почти тождественно, в переработанном и упрощенном виде. Иногда отдельные части.

л) Композиций аттической базы (в небольшом изменении или в упрощенном виде).

2. Значение принципа архитектурного убранства.

1. Принцип орнаментирования архитектурных деталей (многообразные в стилистическом единстве).

2. Карниз с сухариками. Карниз с большим выносом.

3. Многочисленные виды орнаментов ("чешуя", "веревкообразная плетенка", "ряды бус", "набегающая волна", /"розетка", "гранат", "грозди винограда", "виноградный лист", "бобы", "акант" (аканф), и другие геометрические и растительные орнаменты).

3. В архитектуре раннехристианского периода страны нашли место и общие композиции других сооружений крепости, их архитектурные формы и конструктивные приемы:

а) Дворцовое сооружение — с делившимся на нефы внутренним пространством.

б) Коммунальное сооружение — баня с нагревательной системой с помощью гипокауста.

в) Подковообразной и полукруглой формы абсида.

г) Арка, конха.

д) Окно и дверь с полуциркульным завершением.

е) Пилон, пилястр.

ж) Стена, построенная из равного базальта и волуна.

В качестве связующего материала использован известковый раствор.

з) Обработанная фасками каменная стена.

и) Мозаика.

Указанные архитектурные формы, конструктивные приемы и композиции отдельных сооружений, представляющие важнейшие составные элементы армянской архитектуры, играли значительную роль в формировании и дальнейшем развитии архитектурно-строительного и монументального искусства раннехристианской эпохи и тем самым во всей армянской архитектуре раннего средневековья.

С.Ю.САПРЫКИН
(Москва)

КУЛЬТ ДЕМЕТРЫ В БОСПОРСКОМ ЦАРСТВЕ /УІ-ІІ вв. до н.э./

1. История изучения земледельческих культов Боспора показывает, что среди исследователей нет единого мнения о происхождении, характере и значении культа Деметры. Одни полагают, что в распространении земледельческих культов главную роль сыграли местные культы божеств, олицетворявших плодородие, другие же считают, что решающими были эллинские культурно-религиозные традиции.

2. Культ Деметры был исконно эллинским, так как восходит еще к крито-микенской эпохе. Первоначально это был исключительно земледельческий культ, а мистерияльная основа, воплотившаяся в священных обрядах Элевсинских мистерий, присоединилась к нему только впоследствии. Идея мистерий — бессмертие — оформилась в УІІ-УІІ вв. до н.э.

3. В Греции Деметру почитали главным образом как богиню хлебных злаков. Распространение там ее культа связано с возрастающей ролью хлеба в хозяйстве древнего эллина, постоянной заботой о его выращивании и хранении. Постепенно эти обстоятельства вызвали изменения в религиозном мышлении: процесс вызревания зерна стал отождествляться с жизнью и смертью человека и природы. На этой основе сложились главные направления религиозных таинств, посвященных Деметре, как богине пшеничного поля. /Элевсинии, Фесмофории, Скирофории, Галой и др./.

4. Земледелие — основная отрасль хозяйства Боспорского царства. Архаические боспорские терракоты в основном изображают женские божества производительных сил природы /Деметру, Кору/. Типы терракот показывают, что земледельческие

представления греков на Боспоре и в метрополии были аналогичными в раннюю эпоху. Статуэтки из жилых комплексов свидетельствуют об апотропеических функциях богинь, навеянных Элевсином.

5. Протомы богинь из городов и сельских поселений, а также обнаруженные в некрополях, свидетельствуют о хтонической ипостаси Деметры на Боспоре. Это должно указывать на средиземноморское влияние. В то же время Деметра как земледельческое божество почиталась на Боспоре уже с V вв. до н.э. Эта сторона культа была главной, хтоническая же ипостась в раннюю эпоху была второстепенной, как бы связанной с главной только общим средиземноморским происхождением культа. В период раннего эллинизма земледельческая сторона оставалась преобладающей, однако одновременно развиваются и хтонические черты, имевшие основу в элевсинском влиянии и испытывавшие на себе отпечаток местных религиозных представлений.

6. Памятники искусства этой эпохи выражают идею о блаженной жизни после смерти и бессмертии /курган Большая Близница, терракоты из Кеп, Горгиппии и т.п./.

7. У земледельческого населения Боспора в VI–V вв. до н.э. культ богини плодородия имел значительно больше черт местного женского божества, чем общегреческий культ Деметры у эллинов в городах. В IV–III вв. до н.э. среди земледельцев уже почитается общегреческая Деметра. В позднеэллинистический период Деметра на Боспоре утрачивает свое основное значение земледельческого божества. Под влиянием восточных мистерийных культов и орфики, а также соответствующих элементов культа местного населения все более начинают почитать Деметру Хтоническую. Последнее могло быть также связано с упадком сельского хозяйства Боспора.

8. Почитание Деметры в Боспорском царстве было обусловлено местными условиями и проходило в общем те же этапы, что и в Алладе. Однако, если там хтоническая сторона культа являлась вторичной, то на Боспоре, заселенном греками в IV в. до н.э. она являлась привнесенной извне и развивалась уже на основе местных земледельческих представлений о богине.

ДИОНИСИЙСКИЕ СЮЖЕТЫ В ИСКУССТВЕ БАКТРИИ ЮБЧЕЙСКОГО ВРЕМЕНИ

1. Значительное место в искусстве Бактрии юбчейского времени (вторая половина II в. до н.э. — I в. н.э.) занимают сюжеты дионисийского круга.

2. В настоящее время считается установленным, что на Востоке (от Мидии до северо-западной Индии) существовали местные культы виноградарства и виноделия. В эллинистическое время (в связи с этим) появились представления о походе Диониса на Восток и рождения Диониса здесь и т.д.

3. В эллинистическое время культ Диониса приобретает ряд новых черт. Особенно важные изменения связаны с тем, что дионисийский культ включается в систему монархической идеологии.

4. Рассмотрение под этим углом зрения произведений искусства юбчейской Бактрии (связанных с дионисийской тематикой) показывает, что эти памятники с точки зрения иконографии представляют слияние типично греческих черт с местными (главным образом, древнейшими, восходящими ко II тыс. — началу I тыс. до н.э.). С точки зрения идеологическо-семантической эти произведения представляют собой отражение новых общеэллинистических явлений.

Г.В.САРКИСЯН
(Ереван)

О РАСПРОСТРАНЕНИИ РИМСКИХ МОНЕТ В АРМЕНИИ В I В. — НАЧ. II В. Н.Э.

Цель настоящего сообщения — рассмотрение некоторых вопросов денежного обращения Армении после Августа до правления Траяна /98—117 гг./ включительно, в основном по материалам находок на территории Армянской ССР, хранящимся в Государственном музее истории Армении.

Как известно, в имперский период выпуск армянских монет прекратился, однако, по всей вероятности, римские монеты не сразу получили широкое распространение на территории Армении. Об этом свидетельствуют и находки монет Августа.

Весьма редки монеты, чеканенные при императорах, правящих до начала 70-х годов I в. /Тибериус, Клавдий, Нерон, Гальба, Отон, Вителлий/.

Монеты Нерона, связанные с Арменией, были выпущены в 59 г., двух номиналов дидрахма и гемидрахма. На оборотной стороне изображена богиня Победы и надпись — ARMENIAC

Причина отсутствия этих монет в денежном обращении Армении.

В I в. сравнительно часто встречаются монеты Веспасиана /Гарнийский клад — 6 монет/ и Домициана, которым уступают по количеству находок выпуски Тита.

В 114 г. Траян объявил войну Армении и Парфии, а через год Армения стала римской провинцией. Как известно, в честь этого события были выпущены монеты. Такие монеты в денежном хозяйстве Армении не встречаются.

Монетные находки Траяна в Армении. Типы монет Траяна, найденные на территории Армянской ССР /стандартные монеты римского чекана, монеты, чеканенные в Каппадокии/.

Найденные в Армении монеты рассматриваемого периода преимущественно серебряные, широко известные на международном рынке. Медные монеты встречаются редко.

Безусловно, денежное хозяйство Армении в исследуемый период находилось под воздействием Рима. Тем не менее изучение этой сложной проблемы, имеющей для истории Армении первостепенное значение, видимо, на материале, имеющемся на сегодняшний день /имеется ввиду ничтожно малое количество находок/ не позволяет представить ее общую картину во всей широте выдвинутых вопросов. К сожалению мы почти не располагаем сведениями о монетных находках Западной Армении. С другой стороны сведения о многих монетах /имеются ввиду единичные находки/, как правило очень суммарны, зачастую недостоверны. По всей вероятности разработка этой проблемы потребует длительное время и должна быть связана с материалами, добытыми из таких центров античного периода, как Арташат, Тигранакерт, Мцбин и другие.

Г.Х.САРКИСЯН
(Бреван)

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ И ПЕРИОДИЗАЦИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АРМЕНИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

I. Археологические раскопки и исследования последних десятилетий по существу открыли материальную культуру Армении

эллинистического периода, представленную ранее лишь единичными памятниками. Основной материал добыт раскопками Армавира, Арташата и Гарни, которые дают картину, соответственно, древнеармянского города, врастающего своими корнями в урартский период, типичного, притом столичного и потому — образцового, города эллинистического периода, и крепости-поселения постэллинистического периода (первые века н.э.). Прочие меньшего масштаба раскопки поселений, крепостей, некрополей, отдельных сооружений весьма существенно дополняют картину материальной культуры эпохи, однако в этой картине пока очень слабо представлена культура деревни.

2. Следующая схема, со всеми присущими любой схеме недостатками и достоинствами, помогает представить себе общую структуру материальной культуры Армении эллинистического периода:

1. Импортный материал.

2. Предметы и явления местной эллинистической культуры.

2.1. Предметы и явления, имитирующие импортные образцы.

2.2. Предметы и явления, содержащие сочетание местных и привнесенных элементов в различных пропорциях, притом в спектре от механического симбиоза до органического слияния. Это и есть эллинистическая культура в собственном смысле слова.

3. Местная традиционная материальная культура, не затронутая эллинизмом.

3. Явления I и 3 статей этой схемы хронологически носят длительный характер и, в рамках нашего сегодняшнего выступления, покрывают весь эллинистический и постэллинистический периоды (оговорка: для статьи I и III в. до н.э. пока плохо представлен). Явления же статьи 2 с ее подгруппами, т.е. собственно эллинистическая культура в Армении, возникают в пределах представленного сегодня материала, в массе лишь с начала I в. до н.э. и продолжают в виде шлейфа в постэллинистический период. Последний термин ("постэллинистический") поэтому может служить лишь для соотнесения представлений о хронологии эллинизма вообще с его конкретными проявлениями в материальной культуре Армении; на деле же "эллинизм" этой культуры падает на I в. до н.э. — III в. н.э.

АНТИЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Успехи советской среднеазиатской археологии сделали возможными постановку и изучение темы "Средняя Азия и античность". Этой теме был, в частности, посвящен специальный доклад на проходившей в Бреване в мае 1976 г. XIV Международной конференции античников социалистических стран /опубликован в сб. "Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока". М., 1978, с. 203-215/. Характеристику роли античной /греко-римской/ культуры в разные периоды среднеазиатской истории, предложенную в докладе 1976 г., теперь можно дополнить и углубить новыми материалами, полученными в ходе исследований последних лет.

2. Новые открытия французских исследователей во главе с Полем Бернаром в Ай-Ханум, Советско-Афганской археологической экспедиции на севере Афганистана и И.Р.Пичикяна на Каменном городище /южный Таджикистан/ — свидетельствуют о распространении греческого языка, эллинистических представлений, обычаев и культуры вообще не только в крупных городских центрах Греко-Бактрийского царства, но и в более мелких поселениях III-II вв. до н.э. как к югу, так и к северу от Окса /Амударья/.

3. Сенсационные раскопки княжеских захоронений раннекушанского времени в Тилля-тепе /на севере Афганистана/ ярко продемонстрировали значительную роль античных элементов в культуре и искусстве кочевых завоевателей бывших греко-бактрийских земель в I в. до н.э. — I в. н.э., когда закладывались основы политических, идеологических, культурных традиций последующей кушанской эпохи.

4. Новые находки, сделанные при археологических работах на памятниках Бактрии — Тохаристана и других областей Средней Азии I-IV в. н.э. подтверждают данную ранее характеристику кушанской эпохи как времени небывало широких международных связей, в ходе которых античные изделия, образы и идеи проникали не только в города и поселения земледельческих областей Средней Азии, но и в среду кочевых племен, обитавших на территории современной Киргизской ССР и еще далее на север и восток.

5. В то же время новые материалы еще раз свидетельствуют,

что культура и искусство Средней Азии кушанской эпохи представляли собой феномен, на который распространять понятие "античность" уже не правомочно, хотя и в сложной синкретической культуре среднеазиатских областей, где органично переплелись черты и мотивы самых различных традиций, античные элементы занимали далеко не маловажное место.

Э.В.РГВЕЛАДЗЕ
(Ташкент)

К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ И СОГДА В III - II ВВ. ДО Н.Э.

1. Античные письменные источники мало что дают в решении принципиально важного исторического вопроса о северных границах распространения власти греко-бактрийских царей.

2. Большинство ученых считает, что в составе Греко-Бактрийского царства были как Согд, так и Северная Бактрия.

3. Иной точки зрения придерживается Б.В.Зеймаль. Он выдвинул тезис о том, что "варварские подражания", в частности, подражание монетам греко-бактрийских царей выпускались "... только за пределами политических границ "цивилизованного" общества с развитым денежным обращением..."

4. Опираясь на этот постулат, Б.В.Зеймаль считает, что включение Северной Бактрии в состав греко-бактрийских владений не только бездоказательно, но и несостоятельно теоретически, поскольку в этой области в конце II-I вв. до н.э. обращались "варварские подражания" монетам Евкратиды и Гелиокла.

5. Данный тезис, однако, не может быть универсальным, бесспорно доказанным и обязательным. Например, в Северной Бактрии, после падения кушанского государства, на протяжении многих лет обращались "варварские подражания" монетам кушанских царей. Васудевы I и Канишки II. Означает ли это, что Северная Бактрия не принадлежала кушанам и не являлась областью с развитым денежным обращением? Отнюдь нет. Обнаруженные в этой области около тысячи медных кушанских монет и эпиграфических памятников убедительно свидетельствуют о противном.

6. Находки греко-бактрийских монет в Северной Бактрии - не редкость. Уже сейчас намечается, по крайней мере, четыре

района обращения греко-бакрийских монет. Это Термез и его округа, Ангор, Чаганиан-Гиссар, а также правобережье Амударьи в пределах Южного Таджикистана. Особенно важно, что среди этих находок имеются медные монеты, которые обычно не выходят за пределы государства, где они выпускались.

7. Таким образом, нумизматические данные свидетельствуют о вхождении Северной Бактрии и, по всей вероятности, Согда, в состав Греко-Бактрийского царства. Показателем этого же, по нашему мнению, является наличие в материальной и художественной культуре Бактрии и Согда эллинских традиций, во внедрении которых определенную роль сыграли политические обстоятельства.

Ф.И.ТЕР-МАРТИРОСОВ
(Бреван)

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И ИННОВАЦИЯ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ АРМЕНИИ
(по материалам раскопок античного
Ширакавана)

1. Раскопки античного Ширакавана, проводимые экспедицией Ин-та археологии и этнографии АН АрмССР в 1977 г. на территории строящегося Ахурянского водохранилища, где открыто более 8000 кв.м. площади поселения и некрополя, давшие разнообразный материал, позволяют обратиться к ряду вопросов по истории и культуре эллинистической Армении.

2. Античный Ширакаван расположен на небольшой возвышенности, тянувшейся двумя террасами между р.Ахурян и впадающим в нее ручьем Севаки. Открытые на верхней террасе здания с колоннами, вымощенными плитами полами, отличаются монументальностью, необычной даже для сооружений эллинистического времени городов Армении. В зданиях обнаружены алтари, прямоугольной формы и в виде баз. Здесь же обнаружены изображения из камня сердец, фалусов, кteisов. Фасадная сторона здания, выходящая на площадь, была, судя по найденному здесь остеологическому материалу, украшена головами оленей, быков, баранов. На площади, вымощенной галькой, перед зданием, обнаружены ямы с остатками жертвоприношений. Материал помещений как верхней террасы, так еще более нижней террасы, показывает концентрацию в поселении ремесленно-производственных комплексов. Обнаружены орудия труда гончара, ткача ковров,

сердоликовне полуфабрикаты, керамический, стекольный, металлургический шлаки и др. Обнаруженные зернотерки и остеологический материал свидетельствуют о широком развитии земледелия и скотоводства.

3. Рассмотрение обнаруженного материала показывает наличие здесь во всех областях культуры двух тенденций, с одной стороны проникновение влияния эллинистического мира, с другой — сохранение местных традиционных черт.

а) Керамика. Здесь встречаются как местные подражания эллинистическим сосудам с чернолощенным черепком и подражания краснолаковым изделиям, так и местные традиционные сосуды с росписью, характерные для большей части памятников эллинистической Армении. Очень интересны находки керамики местного типа, обнаруженные в Армении пока лишь на памятниках Ширака, с серовато-черным черепком и поверхностью, покрытой многочисленными процарапанными бороздками. Как правило она встречается в помещениях нижней террасы.

б) Произведения искусства. В Ширакаване найдены маленькая скульптурная головка мужчины, изготовленная в традиционном архаическом стиле, терракотовая статуэтка воина местного производства, но изготовленная в стиле, характерном для античной корошластики, а также фигурный сосуд в виде коня, изделие, форма которого характерна для керамики эллинистической Армении, но выполненное в стиле, близком к произведениям искусства эллинистического мира.

в) Архитектура. Несмотря на наличие в зданиях баз торовидного типа, характерных для эллинистического Востока, наблюдается сильное проявление местной архитектурной традиции в планировке жилищ, строительной технике и в архитектурных деталях.

г) Культ. Обряды. Обнаружение в Ширакаване изображений фалусов и кteisов показывают, что древние культы, которые, как предполагалось ранее, исчезли в эпоху развитого железа, сохранились и в античное время. Показательно, что, что святилища, в которых обнаружены алтари изображения сердец, фалусов и кteisов, входили непосредственно в жилые комплексы, факт, характерный для древних святилищ Армении. Традиционность обрядов характерна и для погребений эллинистического времени Ширакавана, в том числе и для ритуальных захоронений с собаками. С другой стороны, проникновение элли-

нистических влияний, чувствуется здесь как в форме алтарей, так и в погребении несколько более позднего времени, где покойнику в качестве платы Харону положен кусочек золотой пластины.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что при наличии местных древних корней в областях материальной и духовной культуры Армении, преобладающим началом в них в эллинистическое время является традиционализм, новации проявляются лишь в постепенном изменении их внешних форм. Но те области культуры, которые не имеют местных древних корней, быстро развиваются по канонам античного мира. При этом естественно, что эллинистическому воздействию больше подвержены господствующие слои общества, и что оно более четко выявляется на центральных памятниках страны.

4. Чрезвычайно важным представляется определение места Ширакавана в ряду других памятников античной Армении: городов, храмовых общин, аванов, сельских поселений, дастакертов. Совокупность данных позволяет определить наш памятник как поселение "храмовой общины" или как "ремесленную деревню-аван" с наличием здесь сильных культовых черт, основанную царем Арташесом и принадлежащую ему, символом чего является стела царя. По своему статусу наш памятник близок статусу городов эллинистической Армении. Этот фактор является также одним из проявлений эллинистического влияния в Армении.

Г.А.ТИРАЦЯН
(Бреван)

ДРЕВНИЙ АРМАВИР, ВОПРОСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕСТНЫХ И ЭЛЛИНСКИХ ТРАДИЦИЙ

(К 100-летию первых раскопок)

В мае 1880 года А.Д.Брицовым и в октябре того же года А.С.Уваровым были произведены раскопки на Армавирском холме. Несмотря на их скромный характер, раскопки заметно усилили интерес исследователей к древнему Армавиру. Поступивший в Кавказский музей археологический материал из Армавира был разобран в начале 40-х годов нашего столетия Б.А.Куфтиным, определившим в числе других урартские вещи и выделившим характерную группу расписной керамики, датируемой впоследствии эллинистическим временем.

Последующее изучение Армавира ограничивалось, как правило, обследованием поверхности холма или работами разведочного характера, ознаменовавшимися также важными открытиями, какими являются греческие надписи. Основой для всестороннего изучения памятника стали систематические раскопки, начатые Академией наук Армении (Б.Н.Аракелян, Г.А.Тирацян).

Нельзя не отметить вырисовывающуюся разницу между данными письменных и археологических источников Армавира. Эту разницу следует объяснить теми разными кругами, к которым относятся эти источники. Письменные источники как нарративные (Мовсес Хоренаци), так и папидарные (греческие надписи) связаны непосредственно с царским двором и его окружением, вещественные же данные отражают в лучшем случае культуру состоятельных горожан, в целом же — культуру рядового населения.

Исходящие непосредственно из царской канцелярии греческие надписи указывают на всеобъемлющее влияние эллинизма на двор армянского царя, его знати и жречества. Они документально указывают на знакомство этих кругов не только с греческим языком, но и с литературой, с греческими культами и греческим календарем, на знакомство с канцелярской практикой селевкидов и их социальными институтами.

Данные Мовсеса Хоренаци уводят нас из сферы общего влияния в область взаимопроникновения, слияния и синтеза, в область столь характерного для эллинистического времени синкретизма религиозных воззрений.

Перевоз статуи Аполлона и Артемиды из Малой Азии в Армавир в древний храм Солнца и Луны и их слияние с местными божествами, соответственно с Арегаком (Солнце) и Лусин (Луна), является одним из доказательств этому. Армавирские греческие надписи подтверждают сведения Мовсеса Хоренаци о существовании в Армавире культа Арега-Аполлона и о возможном их слиянии с иранским Митрой. На примере бога Солнца видно, что во всяком случае в Армавире он должен был выступать под тройным названием, местным — Арегак, иранским — Митра и эллинским — Аполлон.

Этот процесс контаминации, нашедший свое выражение в понятийном параллелизме, засвидетельствован предельно четко, но намного позже, в Коммагене, в надписях из Нимрут-Дага. Несомненно, что с эллинистическим миром связано дальнейшее развитие в Армении культа династических богов, культа предков, армавирского оракула.

Раскопки выявили местные корни, автохтонный характер раскрытой в Армавире культуры, что, конечно, следует объяснить силой урартского наследия.

Нет, например, ничего такого в Армавире, что можно было бы связать с эллинистической архитектурой. Наоборот, это урартские здания (дворец, храм), которые в неизменном или переделанном виде полностью удовлетворяли потребностям армянских правителей, обосновавшихся в Армавире в последней четверти IV в. до н.э.

А там, где появились постройки эллинистического времени (западный склон холма) то это оказались скромные жилища с наипростейшей планировкой.

Строительная техника следует за местными традициями; "эллинистическим" нововведением следует считать скрепы в виде ласточкина хвоста.

В материальной культуре наблюдаются отдельные попытки синтеза (медальоны, терракоты), в которых культурные компоненты — местные, вернее восточные, и эллинские выступают не до конца отчетливо. Есть отдельные примеры переосмысления западных форм (кратериск), или же просто случаи влияния и заимствования (ихтия), а также уподобления общей моде.

Если бы не письменные источники, то довольно неожиданной должна была показаться находка острака с греческой надписью на холме.

В эту общую картину материальной культуры цитадели в целом вписываются входившие в последние годы в сферу археологических исследований западные кварталы города, остатки усадеб, состоящей из жилых (с каминами) и хозяйственных (с виноградными давяльнями) частей, сгруппированных вокруг двора.

Б.А.ТУРГУНОВ

(Ташкент)

ЭЛЕМЕНТЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В ЮЖНОМ УЗБЕКИСТАНЕ (по материалам Айртама)

I. Более 40 лет назад в среднеазиатской археологии был выдвинут тезис о том, что не "Гандхара, а Бактрия была подлинным очагом эллинизма в Центральной Азии". Теперь тому яркое свидетельство дали результаты работ на памятниках южной и северной Бактрии — таких как Ай-Ханум, Сурх-Котал, Дильбер-

джин, Айртам, Халчаян, Дальверзин-тепе, Старый Термез и др.

2. Археологическая практика показала, что в каком-либо памятнике могут отражаться характерные черты культуры и искусства целой эпохи, области и государства. К числу таких памятников относится Айртам, где встретились индийская и эллинистическая культуры, оказавшие определенное влияние на местное искусство. В результате руками бактрийских зодчих и ваятелей были созданы на местном материале (глина, гипс и мраморовидный известняк) произведения исключительно высокого художественного качества.

3. Общеизвестна находка на Айртаме в тридцатые годы восьми скульптурных фриз и ряд архитектурных фрагментов. Теперь эта коллекция еще пополнилась. При работах Узбекистанской искусствоведческой экспедиции на этом объекте в 1964-66 и 1979 гг. были найдены еще шесть баз колонн и пилястров, ствол круглой колонны, две капители и четыре профилированных карниза. Наличие разнообразного архитектурного декора в небольшом пункте объясняется его стратегически важным значением у переправы через Амударью, а также близостью древних карьеров выработки известняка у горы Ходжа Гульсуар (в 20 км. вверх по течению Амударьи).

4. Базы из Айртама двух видов: профили трех баз колонн и пилястров имеют характерную последовательность обломов так называемой "аттической" базы, две базы колонн имеют сплюснутую торообразную форму на одноступенчатом основании. Имеются каменные плиты прямоугольной и квадратной формы с Г-образными гнездами на верхней постели.

5. Найденная капитель, часть круглого ствола и одна из упомянутых баз позволяют реконструировать колонну. Поверхность ствола гладкая, капитель четырехфасадная, акантовые листья расположены в 2 ряда, на углах волюты. Ствол крепился с капителью и базой на железных штырях. Судя по капители, колонна не повторяет классического коринфского ордера, но являла бактрийский коринфизированный вариант. Новые айртамские находки займут свое место среди произведений художественной культуры Бактрии, запечатлевших воздействие эллинизма.

РИМСКИЕ ФИБУЛЫ ИЗ ПАМЯТНИКОВ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ И ПУТИ
ИХ ПРОНИКНОВЕНИЯ

Археологические раскопки памятников Албании наряду с другими находками дали в определенном количестве разнообразные фибулы. Они известны почти из всех исследованных памятников Албании (Мингечаур, Шемаха, Кабала, Тарки, Карабулагкенд и т.д.). Эти фибулы изготовлены из серебра, бронзы и железа и имеют некоторые разновидности.

По форме этих фибул можно разделить на две основные группы — арбалетные и фибулы-броши.

Несколько экземпляров фибул относятся к первому типу пятой группы — раннеримские шарнирные фибулы по классификации А.К. Амброза. Такие фибулы известны из кувшинных погребений Мингечаура и Багман-Баргушада (Геокчайский р-н), грунтового погребения древней Шемахи, датируется I веком.

Другая группа фибул, входящая в четвертый тип пятой группы А.К. Амброза происходит из могильника Карабудахкент. Эти фибулы, с выступом на конце ножки, с треугольной или круглой спинкой, датируется II—III веками.

Часть фибул, выявленных в Шемахе, Ялойлутепе и Мингечауре входят в седьмую группу по классификации А.К. Амброза. Эти шарнирные дужковые фибулы, с эмалью, характерная в основном для западной провинции Рима и Паннонии.

Среди известных фибул из памятников Албании имеются экземпляры, входящие в одиннадцатую группу — сильно профилированных причерноморских типов.

Фибулы из железа подвергались сильной коррозии, в большинстве случаев трудно определить их детали. Но, можно допустить, что эти железные фибулы изготовлены на месте по образцам привозных.

Из памятников Албании известны 14 фибул-брошей с шарниром из двух стоек, покрытые разноцветной эмалью. Они обнаружены в Мингечауре, в Шемахе и в Кабале из грунтовых, кувшинных, срубных и раннекатакомбных погребений. Эти фибулы имеют четыре разновидности — дисковидные, ромбовидные, прямоугольные и трапецевидные.

Известна также из грунтового погребения древней Шемахи

шарнирная фибула со щитком в форме орла. Щиток отлит из бронзы и покрыт тонким золотым диском фольги.

Вышеприведенные фибулы являются привозными предметами и имеют галло-римское происхождение. Ареал обнаружения таких фибул на Кавказе указывает пути их проникновения в Албанию. Обнаружение их сравнительно в большом количестве на Северном Кавказе, их топография и количественное соотношение дает некоторое основание предполагать, что римские товары, в том числе фибулы из Северочерноморских колоний проникали в Албанию через Северный Кавказ.

Д.А.ХАХУТАЙШВИЛИ
(Батуми)

ОТРАЖЕНИЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ УПЛИСИХЕ

1. В материальной культуре Кавказской Иберии, одним из городских центров которой являлось Уплисхихе, знакомство с античной культурой прослеживается с раннеантичного времени.

2. Интенсивное же воздействие античных традиций на местную культуру кавказских иберов, в том числе жителей "Верхней страны" и Уплисхихе, отмечается с раннеэллинистического времени. Оно особенно заметно, судя по археологическим данным, в строительном деле и некоторых отраслях ремесленного производства.

Ж.Д.ХАЧАТРЯН
(Бреван)

ОБРАЗ МИТРЫ В АНТИЧНОЙ КОРОПЛАСТИКЕ АРМЕНИИ

Возникновение искусства коропластики в античной Армении явилось последствием влияния эллинистической культуры. Из раскопок Арташата, Армавира и Гарни найдено более ста глиняных статуэток, культового и бытового характера.

Интересны многочисленные терракоты всадников I-II вв. н.э. В них наиболее ярко выражены особенности западного и восточного направления в местной коропластике. Глиняные статуэтки всадников представлены двумя типами. Они изображают мужчин, восседающих в одном случае на несущихся в галопе или вздыбленных конях, в другом — спокойно стоящих с приподнятой левой ногой.

В эллинистическое время в Передней Азии, а позднее и в Римской империи образ коня и всадника имел широкое распространение (на монетах, в торевтике, короoplastике). Это было связано с почитанием священного коня, героического и бессмертного (обожествленного) всадника, сопоставляемого с богом солнца, культом предков и царя.

Глиняная статуэтка всадника, по всей вероятности, воплощает в себе образ Митры, сына Арамазда, бога солнца и огня.

Куль Митры имел глубокие корни и был крайне популярен в античном мире (особенно в первых веках н.э.). Почитание Митры в Армении наряду с общими чертами имело ряд местных особенностей. Отличались не только празднества, посвященные этому божеству, но также типы изображений.

Наиболее древнее свидетельство о культе Митры в Армении относится ко II в. до н.э. (Армавир).

Большая часть скудных сообщений античных (Диодор, Страбон, Дион Кассий, Плиний Старший, Плутарх) и средневековых армянских источников (Агафангел, Фавст, Бузанд, Мовсес Хоренаци и др.) о пантеоне Армении посвящены культам Анаит, Арамазда и Митры, что является следствием главенствующей роли последних в иерархии местных божеств.

По всей вероятности, культ Митры утверждается в Армении в ахеменидскую эпоху. Он был сопоставлен с Арегом и признан одним из наиболее почитаемых божеств у армян. Последний оставил глубокие следы в армянской действительности. Были построены храмы, посвященные этому божеству, его образ мы встречаем в армянском народном эпосе, календаре, ономастике и т.д.

Статуэтки всадников, где конь изображался с приподнятой передней ногой, имеют культовое значение. В древневосточных культовых сценах нередко можно встретить аналогичные изображения священных животных в различных композиционных решениях.

Роскошная экипировка и поза всадников, богатая сбруя коней говорят о божественном происхождении изображенного. Одежды всадника схожи с одеяниями Антиоха I Коммагенского и Митры на рельефах Нимруд — дага, что касается остроконечной шапки, то она так же характерна для Митры, часто изображаемого в схожем фригийском головном уборе.

В первых веках н.э. Митра сопоставляется с различными божествами и приобретает ряд новых функций. Естественно,

что он изображался в различных видах; поражающим быка (воплощающего собой мрак), в образе всадника со всеми атрибутами, на колеснице, в образе воина и т.д. Весьма вероятно, что в Армении его образ получил воплощение в вышеуказанных глиняных статуэтках. В народном эпосе Митра-Мгер представляется как всадник. В Хаме и в Митреуме Дура-Европосе Митра также изображен на коне. Известно, что образ лошади сопоставляется с образом Митры, почитаясь как символ солнца, а во время празднеств, посвященных этому божеству, приносились в жертву кони.

Особый интерес представляет собой полихромная терракота всадника. Лошадь окрашена в черный цвет, обувь всадника красная, плащ пурпурно-красный. По сообщениям письменных источников одеяния подобных цветов явились прерогативой царей (М.Хоренаши). Это обстоятельство позволяет предположить, что статуэтки всадников могут связываться также с культом предков, с культом обожествленного царя.

Божеством, покровительствовавшим царям династий Арташесидов (Тигран II, Артавазд II) и Аршакидов является Митра, следовательно, они отождествлены с последним.

И.Г.ШУРГАЯ

(Ленинград)

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ЕГИПЕТ И ГОРОДА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (к проблеме контактов)

I. Проблема контактов Северного Причерноморья с эллинистическим Египтом разработана неравномерно для различных частей этого обширного региона. Реальные шаги в этом направлении были сделаны сравнительно недавно. Если для доэллинистического периода египетский материал, представленный в работах Б.В.Фармаковского, Э.Штерна, Б.А.Тураева, М.Э.Матве и акад. Б.Б.Пиотровского признавался свидетельством контактов Египта через посредство ионийских центров с северным побережьем Понта, то прямые контакты центров Северного Причерноморья с Александрией и в целом с птолемеевским Египтом подвергались сильному сомнению. Несмотря на подобный скепсис, автору все же удалось выделить в материалах эллинистического некрополя Ольвии типично александрийские вазы стиля Гафра. А изучение изделий александрийских мастерских по материалам

Александрии стало отправным пунктом в выявлении их в комплексах городов Северного Причерноморья. Предварительные итоги этой работы, продолжающейся и в настоящее время, позволяют в основных чертах обрисовать картину контактов центров Северного Причерноморья с птолемеевской Александрией.

2. В Северном Причерноморье хорошо представлена александрийская керамика Гадра, связанная с погребальным ритуалом. В Ольвии, где обнаружена большая часть этих ваз, попавших в Северное Причерноморье, оказались все их стилистические разновидности, но главным образом ранние: не позднее середины III в. до н.э. Вне пределов Александрии керамика Гадра, производившаяся для нужд александрийского некрополя, найдена в единичных экземплярах: на Кипре, Родосе и в Афинах. В Ольвии ее оказалось несопоставимо больше, чем где-либо в других местах вне Александрии.

Отдельные экземпляры ваз Гадра были найдены в Херсонесе, Пантикапее и совсем недавно в Феодосии.

В Ольвии, значительно меньше — в Херсонесе, в серии так называемых агонистических амфор, также как и вазы Гадра, связанных с погребальным культом, удастся выделить большую группу ваз александрийского производства.

В Ольвии представлена также эллинистическая александрийская скульптура, монеты первых двух Птолемеев. Отдельные предметы александрийского импорта, помимо ваз, найдены и на Боспоре.

3. В отдельных случаях для скульптуры и монетного материала высказываются суждения о проникновении их в северо-понтийские центры из Александрии через посредничество восточно-средиземноморских центров, в частности Родоса. Подобное исключается для александрийских ваз. Одна из групп керамики Гадра — полихромные вазы — с непрочной гипсовой облицовкой и акварельной росписью, также как и агонистические амфоры, характеризующиеся слабым обжигом и вследствие этого хрупкостью, доставлялись в Северное Причерноморье, главным образом — в Ольвию, непосредственно из Александрии.

4. О прямых и достаточно регулярных контактах Ольвии с Александрией свидетельствуют многочисленные примеры отражения в ольвийском керамическом производстве александрийского импорта.

5. Существование прямых контактов северо-западного района Причерноморья с Александрией подтверждается фактом появле-

ния в ближайшем к Ольвии пункте — Тире греко-египетского культа в III в. до н.э.

Исследования последних лет в западном Причерноморье позволили установить появление в указанном районе греко-египетского культа с начала III в. до н.э. О прочном внедрении названного культа в западном Причерноморье в эллинистическую эпоху свидетельствует эпиграфический материал из Том, Дионисополиса и в особенности надпись из Истрии, содержащая декрет об установлении в этом городе культа Сераписа в начале III в. до н.э.

6. Следует полагать, что западное побережье Понта ранее других его районов включилось в торговые контакты с Александрией, за которыми последовало и весьма раннее проникновение греко-египетского культа именно в этот район.

По-видимому, непосредственной близостью Ольвии к Западному Причерноморью (также и Тирю) следует объяснять факт весьма ранних и интенсивных ее контактов с Александрией.

7. На более раннее освоение западного направления в торговле Александрии с Причерноморьем указывает находка бронзовых александрийских сосудов начала III в. до н.э. в Эдеде (Венгрия), на берегу одного из притоков Дуная. Вероятнее всего эти изделия александрийской торевтики в указанный район проникли через Истрию и далее вверх по Дунаю.

8. Контакты Александрии с Херсонесом и Боспором в раннеэллинистическую эпоху, вероятнее всего, были эпизодическими. По данным Агафархида со II в. до н.э. картина меняется. В этот период уже существует регулярный маршрут из Меотиды через Родос — в Александрию.

Ю.Б.ЮСИФОВ
(Баку)

ЭЛАМ В АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ

I. В середине VI в. до н.э. Элам, как и Мидия, стал частью государства ахеменидов. После потери своей государственности Элам сохранял свое экономическое и политическое значение и в последующий период. Античные источники и отчасти археологические данные позволяют восстановить отдельные стороны истории Элама эллинистического периода в общих чертах. Страбон указывал, что эта страна имела героическое прошлое, а в его время

она находилась под властью других царей. Однако во времена и после завоевания Александра Македонского страна управлялась сатрапами. Александр сохранил должность сатрапа Сузианы за неким Абулитом. Покорив уксиев, которые не подчинялись даже ахеменидам, Александр передал управление их страной сатрапу Сузианы. После смерти Александра на территории Элама возникли самостоятельные царства. Подчинение их селевкидам, вероятно, было номинальным. Ряд правителей впоследствии не подчинялись даже партянам. Это уверенно можно сказать о царьке Элимаилы. Позже Страбон упоминает о правителе Сузианы Аврадате. Здесь правили представители из династии капнишкиров (букв. "казначеев"). После падения Эламского государства ведущая политическая роль в этой сатрапии перешла в руки хранителей царской сокровищницы, которые и основали правящую династию капнишкиров.

2. В городе Сузы, столице бывшего Эламского государства, хранились царские сокровища (Геродот, Страбон, Ксенофонт, Курций Руф, Арриан, Плутарх, Диодор). Геродот отмечал, что "овладевши этим городом можете поспорить по богатству с самым Зевсом" (У, 49). Несметные богатства ахеменидских царей, собранные в течение ряда веков с покоренных народов, хранились и в Сузской сокровищнице. Они стали легкой добычей Александра. После падения Персеполя и других городов Персии, сокровищницы их были перевезены, в частности, в Сузы. В предэллинистический период и после Сузы продолжали играть функцию важного административного центра.

3. Античные источники дают различные наименования населению, обитавшему на территории бывшего Элама. Жители Сузианы обозначались как сусии, порой киссией. Киссии или коссеи, наряду с элимеями обитали севернее Сузианы, а на востоке от нее — уксиин ("хузи" средних веков). По свидетельству источников, элимеи враждовали с жителями Сузианы, к последним недружелюбно относились и уксиин. Горы, где жили коссеи, тянулись до Экбатан.

4. Наиболее плодородные области принадлежали сусийцам и элимеям, а также уксиин. Античные источники сообщают, что Сузиана давала богатый урожай ячменя и пшеницы. Сузиана орошалась реками и каналами. Равнина страны уксиев орошалась водами реки Паситигр. Собранный урожай по реке вывозили в Вавилонию. В эллинистический период торговля с Месопотамией

продолжалась. В хозяйстве эламитов большое место занимало выращивание финиковых пальм, которые использовались в строительных целях. Из финиковой пальмы изготавливали всевозможные плетенные изделия, получали вино, уксус, мед, муку и т.п. Сообщалось, что имелось 360 способов применения пальмы. В эллинистический период широкое распространение получит культура винограда, принесенная греками.

5. Начало установления взаимосвязей местного населения с эллинистическим миром было положено завоеваниями Александра Македонского. В результате этого на этой территории появились эллинские названия местностей, началось смешение эллинов с местным населением путем бракосочетания, распространилось эллинское искусство: сюда приглашались греческие архитекторы, скульпторы, актеры. Наряду с местными чеканными монетами здесь в обращении имелись монеты Александра, преимущественно монеты селевкидов. Вероятно, в эллинистический период взаимосвязи местной и греческой культур еще более усилились, особенно в среде равнинного, земледельческого населения бывшей территории Элама.

В.П.ЯЙЛЕНКО

(Москва)

ПОЛЕМОН, ЦАРЬ АРМЕНИИ

В двадцатых годах текущего столетия трижды была опубликована посвяtitельная надпись из Амфиполя. Предлагавшиеся варианты чтения надписи не давали ее удовлетворительной исторической интерпретации. С нашими дополнениями, при учете некоторых предыдущих восстановлений, текст надписи читается следующим образом

[Βασιλεὺς Ἀρ]μενίας τῆς προστεθείσης ὑπὸ
[γαίου Καίσαρος Σεβαστοῦ Γερμανικοῦ Πολέ-
μων Πολέμονος], εὐσεβῆς πατήρ, καὶ Πολέμων
[Πολέμονος φίλο]πάτωρ καὶ Ροιμητάλκης φιλόκαλος,
[βασιλεὺς Θρακῶν?], τῇ Ἀμφιπολείτῳ πόλει διὰ τὴν
[πρὸς τὸν ...] οἶκον αὐτῶν εὐνοίαν τε καὶ τιμὴν

"Царь Армении, врученной Гаем Цезарем Августом Германиком, Полемон, сын Полемона, Благочестивый отец, и Полемон, сын Полемона, Отцелюбивый, и друг Цезаря Реметалк, царь фра-

кийцев, городу амфиполитян за благорасположение и почет к их... дому".

Действующие лица надписи — император Калигула, царь Армении Полемон (по нашему мнению, старший сын царя Понта и Боспора Полемона I), его сын, тоже Полемон, и племянник Реметалк III, царь Фракии в 38—46 гг. Отсюда восстанавливается следующая картина предпринятых Калигулой в 38 г. назначений на царства: Реметалку III дана отновская часть Фракии, его младшим братьям Котису IV — Малая Армения, Полемену II — Понтийское царство, а их дяде, брату их матери Антонии Трифены, Полемену — Армения.

В Армении Полемон не оставил заметных следов, как показывает история борьбы за эту страну между Парфией и Римом. Утвердившийся при Тиберии на армянском престоле Митридат, сын иберийского царя Митридата, был вызван Калигулой в Рим и заточен, что, безусловно, стоит в связи с назначением им Полемона на армянский трон. В Армении Полемон не преуспел особенно, как видно из того, что после отзыва Митридата и назначения Полемона парфяне вновь завладели этой страной, вследствие чего Клавдий, придя к власти, отпустил Митридата в 41 г. для возвращения армянского царства. Эти данные указывают, что Полемон был царем в Армении в 38—39 или 40 годах, и этим же временем, соответственно, датируются обе амфипольские надписи (в последнее время найден фрагмент еще одного идентичного посвящения тех же примерно лиц). Кратковременность пребывания Полемона на армянском престоле и быстрая утеря им страны (может быть, по причине смерти) явились причиной того, что он не попал в поле зрения дошедших до нас литературных источников. Счастливым образом имя этого царя Армении сохранено амфипольскими надписями.

СОДЕРЖАНИЕ

АКОПЯН А.М. Культурно-исторические контакты на Эллинистическом Востоке (Армения, Кавказская Албания, Парфия	3
АЛЕКСЕЕВА Б.М. Некрополи хоры Горгииппии эллинистического времени	4
АРАКЕЛЯН Б.Н. Заметки о хозяйстве и быте городов древней Армении	5
АРСЕНЬЕВА Т.М. Античные и варварские черты в культуре раннего Танаиса	6
БАБАЕВ А.Д. Местные эллинистические традиции культуры Северной Бактрии	7
БАБАЕВ И.А. Буллы эллинистического времени из раскопок Кабалы	9
БВЛЯЕВА Т.В. Об эллинистических элементах в керамике Ходжента	11
БЛАВАТСКИЙ В.Д. О некоторых явлениях в художественной жизни эллинизма	12
БОХОЧАДЗЕ А.В., МИРИАНАШВИЛИ Н.Г. О распространении культа Диониса в античной эпохе Картлийского царства	13
БРАШИНСКИЙ И.Б. Ареал родосской торговли на эллинистическом Востоке	15
ВАРДАНЯН Р.Б. Парфянский портрет	16
ВАРДАНЯН Р.О. Отражение традиции античной метрологии в раннесредневековых армянских первоисточниках	18
ГАГОШИДЗЕ Ю.М. О грузинском язычестве в III-I вв. до н.э.	20
ГРАЧ Н.Л. Восточные элементы в ювелирных изделиях эллинистического времени	21
ДАНИЕЛЯН Э.Л. Плиний Старший и Анания Ширакаци	22
ДЕСЯТЧИКОВ Ю.М. К этнографии юго-восточного Причерноморья в античную эпоху	23
ДОЛГОРУКОВ В.С. Эллинистические укрепления Дильберджина	24
ВРЕМЯН С.Т. Эллинизм и христианство в Армении	25
ЗАРДАРЯН М.О. О денежном обращении Арташата в свете торговых отношений Закавказья эпохи эллинизма	28
ЗЕЙМАЛЬ Е.В. Бактрийский портрет	29
ИНАДЗЕ М.П. О путях распространения эллинистической культуры в Колхиде и Иберии	31

ИСАБЕВА В.И. Конфронтация греков и варваров в политической мысли Эллады У–ІУ вв. до н.э.	32
ИСАМИДИНОВ М.Х. Керамика Согда в эпоху эллинизма . . .	33
КАКОВКИН А.Я. Живописные погребальные портреты из Египта	34
КАНБЦЯН А.Г. Планировочная структура античных поселений Армении и их связь с эллинистическим миром . . .	36
КАРАПЕТАН И.А. Эллинистическая культура и сельские поселения Армении	36
КИГУРАДЗЕ Н.Ш. Колхское село в эллинистическую эпоху . .	38
КОБЫЛИНА М.М. Терракоты эллинистического города	39
КОРОВИНА А.К. Местные и эллинские традиции в погребальном обряде населения Фанагории и Тирамбы в эллинистическую эпоху	40
КРКЯШАРЯН С.М. Некоторые эллинистические черты древнеармянского города	41
ЛОРДКИПАНИДЗЕ Г.А. Пути распространения эллинистической культуры в Колхиде	42
МАЛАЕВА З.А. К вопросу о связях Средней Азии и Кавказа в эпоху эллинизма	43
МАСЛЕННИКОВ А.А. О некоторых аспектах взаимоотношений местных и эллинских культур на Боспоре в ІУ–І вв. до н. э.	45
МАССОН В.М. Эллинистический фактор в культурогенезе древней Средней Азии	47
МАТИАШВИЛИ Н.Н. Эллинизм в Колхиде	49
МУХИТДИНОВ Х.Ю. Местные и эллинистические традиции в материалах Саксауохура	49
МУШКЕТАН Х.А. К изучению состава денежного обращения античной Армении	52
НЕВЕРОВ О.В. Бронзовый перстень с портретом армянского царя из Фанагории	54
НИТМАТОВ Н.Н. Об эллинистических традициях в культуре уструшано-ходжентско-западноферганского региона Средней Азии	54
НИКУЛИНА Н.М. О проблемах искусства эллинистического периода	56
ОБЪЕЛЧЕНКО О.В. Эллинизм и кочевники Согда	57
ОЛЬГОВСКИЙ С.А. Об источниках меди для греческих городов северо-западного Причерноморья	60

ОНАЙКО Н.А. Восточные элементы в боспорской торевтике . .	61
ПЕТЕРС Б.Г. Морское дело Древней Греции эллинистического времени	62
ПИЛИШКО В.Н. Северная Парфия в эллинистический период . .	63
ПИЧИКЯН И.Р. Эллинское в генезисе греко-бактрийского ис- кусства	64
ПУГАЧЕНКОВА Г.А. Черты эллинизма в искусстве среднеази- атско-пенджабского региона	65
РАСУЛОВА М.М. О влиянии эллинистической культуры на Кавказскую Албанию	67
САВЕРКИНА И.И. Эллинистические традиции в скульптуре римской Сирии	68
САИНЯН А.А. Значение архитектуры античных сооружений крепости Гарни в деле формирования армянской архитек- туры раннехристианского периода (IV-V вв.)	69
САПРЫКИН С.Ю. Культ Деметры в Боспорском царстве	71
САРИАНИДИ В.И., КОШВЛЕНКО Г.А. Дионисийские сюжеты в искусстве Бактрии вечжийского времени	73
САРКИСЯН Г.В. О распространении римских монет в Армении в I в. - начале II в. н.э.	73
САРКИСЯН Г.Х. К вопросу о характере и периодизации ма- териальной культуры Армении эллинистического периода	74
СТАВИЙСКИЙ Б.Я. Античные элементы в культуре Средней Азии. Новые материалы	76
РТВЕЛАДЗЕ Э.В. О политической истории Северной Бактрии и Согды в III-II вв. до н.э.	77
ТЕР-МАРТИРОСОВ Ф.И. Традиционизм и инновация в эллини- стической Армении	78
ТИРАЦЯН Г.А. Древний Армавир, вопросы взаимоотношений местных и эллинских традиций	80
ТУРГУНОВ Б.А. Элементы эллинистической архитектуры в южном Узбекистане	82
ХАЛИЛОВ Дж.А. Римские фибулы из памятников Кавказской Албании и пути их проникновения	84
ХАХУТАЙШВИЛИ Д.А. Отражение эллинистических традиций в материальной культуре Уплисцихе	85
ХАЧАТРЯН Ж.Д. Образ Митры в античной коропластике Арме- нии	85

ШУРГАЯ И.Г. Эллинистический Египет и города Северного При-	
черноморья: к проблеме контактов	87
ЮСИФОВ Ю.Б. Элам в античных источниках	89
ЯЙЛЕНКО В.П. Полемон, царь Армении	91

ВФ 03747 Заказ 699 Тираж 200.

Сдано в производство 8.04.1980 г., подписано к печати 7.04.1980 г., печ. 6,0 л., изд. 5,2 л., бумага № I, 60x90 I/I6. Бесплатно.

Эчмиадзинская типография АН Армянской ССР

ՀԱՆ Հիմնարար գիտ. գրադ.

FL0189067

[60K]

P π
522975

~~22/5/50~~
~~22/5/50~~

4
66

6'6